

Садовник

Автор:

Родриго Кортес

Садовник

Родриго Кортес

Он родился изгоем. Сын нищего испанского садовника, немой и полоумный дурачок, Себастьян Хосе не знал, что такое любовь. Но умел любить своих господ – семейство богатых землевладельцев Эсперанса. Он задумал устроить им райский сад, где после смерти его господ обрели бы вечное блаженство. Для начала Себастьян похищает из склепа и закапывает в саду труп умершей доброй сеньоры Долорес. А потом каждый из членов семьи обретает свой уголок сада для упокоения. Одно плохо: некоторые из господ не спешат попасть в рай, и приходится им помочь умереть. Мертвецов становится все больше. И постепенно сад вечного блаженства превращается в огромную братскую могилу...

Родриго Кортес

Садовник

© ООО «Издательство «Эксмо», 2007

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I

Яркий луч заходящего солнца высветил в полутьме усыпальницы семьи Эсперанса длинный ряд серых гробниц, мраморную фигуру Девы Марии со скорбно скрещенными на груди изящными кистями, поникшие от жары головки крупных, но слабых оранжерейных роз в огромных каменных вазах и бордовые, цвета запекшейся крови лепестки на белых шестиугольных плитах пола.

Себастьян Хосе снова и снова пытался сдвинуть крышку гробницы. Острые края каменной плиты врезались в ладони до боли, но массивная мраморная крышка гробницы сеньоры Долорес Эсперанса оставалась на месте. Она была слишком тяжелой для одиннадцатилетнего мальчика. Здесь, внутри фамильной усыпальницы семьи Эсперанса, подцепить плиту было нечем.

Мальчик тяжело вздохнул и подошел к окну. Ухватился за узорчатую решетку и замер – он умел ждать. Солнце клонилось к горизонту, а значит, совсем скоро падре Франсиско степенно выйдет из храма и направится в свой скромный одноэтажный дом в сотне шагов отсюда, а вслед за ним торопливо исчезнет за храмовой оградой и его помощник Хуан Хесус.

Время тянулось медленно. Так медленно, но зримо распускаются утром цветы на клумбах у парадного подъезда огромного дома семьи Эсперанса. За горой Хоробадо скрылось желтое солнце, на долину тихо опустились густые фиолетовые сумерки, и лишь тогда резная храмовая дверь протяжно заскрипела.

Себастьян восторженно и прижался к решетке лицом. Падре Франсиско медленно вышел во двор, властным жестом подозвал к себе Хуана Хесуса, отдал ему последние распоряжения и подчеркнуто неторопливо двинулся к воротам. Вышел, постоял, вспоминая сотворенные за день благодеяния, улыбнулся и двинулся по выложенной булыжником дороге.

Себастьян напрягся. Вот Хуан Хесус, припадая на одну ногу, быстро обошел свои владения и лично проверил, все ли в порядке. После чего быстро засеменил к воротам, вышел, аккуратно притворил их, несколько раз перекрестился на храм и скрылся в темноте. И только тогда Себастьян тихонько приоткрыл дверь усыпальницы и выскользнул наружу. Он бесшумно прокрался в длинную лавровую аллею и, пригибаясь, побежал к храму. Обогнул его и оказался возле небольшого сарайчика. Свой садовый инструмент Хуан Хесус всегда оставлял на ночь здесь.

Себастьян рванул дверь на себя и услышал, как тяжело брякнул в петлях огромный амбарный замок. Пригляделся и удовлетворенно улыбнулся. Он знал этот старый проржавевший замок еще с прошлого года, когда помогал Хуану Хесусу ухаживать за кладбищенскими розами. Ключ к нему был потерян много лет назад, но Хуан Хесус исправно каждый вечер вешал его на дверь, старательно заботясь, чтобы тот выглядел закрытым.

Себастьян дернул замок вниз и со скрежетом вытащил рыжую от ржавчины дужку из петель. Аккуратно положил замок на землю и нырнул в темноту сарая. Пошарил рукой в углу: грабли, лопата, еще лопата, кирка, лом... Себастьян подумал и взял кирку. Ощупал острый конец, затем второй – расплющенный, опробовал, насколько прочно сидит черенок, и выбрался наружу.

Цикады уже завели свою ежевечернюю песню и стрекотали так яростно и страстно, что на расстоянии нескольких шагов сказанное вполголоса слово никто бы не услышал.

Себастьян огляделся и, пригибаясь, помчался обратно к усыпальнице.

Теперь, когда солнце село, строгие геометрические формы гробницы сеньоры Долорес еле угадывались в темноте. Себастьян подошел к гробнице, примерился и ударил киркой, точно попав под крышку. Взялся поудобнее, налег на кирку, поднатужился, и крышка тихонько сдвинулась в сторону. Себастьян примерился и ударил еще раз. Затем он налег всем телом на крышку, и она отошла уже на значительное расстояние.

Изнутри отчетливо запахло гнилью. Сердце Себастьяна Хосе отчаянно заколотилось.

Он схватил кирку и, раз за разом втыкая ее в щель между крышкой и гробницей, сдвинул крышку со своего места на треть, а затем, забравшись наверх, уперся в каменный край гробницы босыми ступнями и, едва сдерживая охвативший его восторг, сбросил крышку на пол.

Стены усыпальницы содрогнулись от раздавшегося грохота. Себастьян испуганно сжался, но тут же сообразил, что никто этого грохота не услышит, и, прикусив от напряжения губу, опустил в гробницу.

Худенькое тело покойной сеньоры Долорес было здесь – он почти сразу коснулся его коленом. Некоторое время Себастьян собирался с духом, а затем осторожно провел по мертвому телу вспотевшей ладонью, и невидимое в темноте черное шелковое платье восхитительно ласково и нежно заскользило меж пальцев.

Себастьян вдруг нащупал уже начавший разлагаться колючий стебель оранжерейной розы, еще один и еще, и его передернуло от омерзения. Он принялся сгребать их в кучу и решительно вывалил созревший за день букет наружу. Проверил, не осталось ли чего еще, и выбрал все до последнего стебелька. И лишь затем аккуратно прилег рядышком, положив пылающую голову на мягкий, прохладный живот сеньоры Долорес.

Она бы никогда не позволила ему сделать это при жизни, разве что разрешила бы немного посидеть у ее колен или подать веер или книгу. Но теперь сеньора Долорес была само терпение.

Она уже пахла несколько сильнее, чем при жизни, но этот запах был куда менее силен, чем запах полежавшей на солнце форели и уж точно ни в какое сравнение не шел с жутким запахом гнилых цветов.

Себастьян вдруг почувствовал, что его одежда снизу начала подмокать, и вспомнил красивые, отливающие радужными бликами кубики льда, которыми Хуанита и Кармен обкладывали тело сеньоры Долорес вплоть до похорон. Конечно, Себастьян не смел подойти и потрогать эти кубики, но ему уже доводилось держать лед в руках – в ту зиму, когда однажды оставленная в ведре вода замерзла, и он прекрасно помнил, что тот на ощупь скользкий, холодный и мокрый.

Себастьян вздохнул, ухватился за острый каменный край гробницы и приподнялся. Ласково провел ладонью по телу сеньоры Долорес, нащупал ее маленький острый подбородок, впалую щеку, лоб, погладил аккуратно притянутые к маленькому, почти детскому черепу волосы, развернулся, взял ее за плечи поудобнее и потянул на себя...

Больше получаса ушло у Себастьяна на то, чтобы вытащить труп из гроба, и вот наконец мальчик вместе с телом сеньоры Долорес Эсперанса оказался снаружи. Стояла душная апрельская ночь.

* * *

Несмотря на поздний час, в доме Эсперанса не спали. Необычная для столь ранней весны жара и долгий утомительный обряд похорон изрядно обессилили всех, но это оказалось только началом. Почти сразу пришлось принимать специально приехавшего из Сарагосы нотариуса и заслушивать длинное, на два с половиной часа, последнее послание сеньоры Долорес Эсперанса, в котором детально расписывалось, кого и за что она любит и кому что следует передать после ее смерти.

Наследство, заключавшееся в маленьком земельном наделе в далекой Галисии да предметах личного обихода, никого из выросших и давно вставших на ноги детей особенно не интересовало. И теперь, когда все слова скорби, любви и уважения были сказаны, молитвы неоднократно прочитаны, а имущество покойной нашло своих новых владельцев, оказалось, что говорить им друг с другом просто не о чем.

Только глава семейства семидесятичетырехлетний сеньор Хуан Диего Эсперанса, казалось, этого не замечал. Он сидел во главе длинного, уставленного снедью дубового стола, хмуро глядя на приехавших на похороны двух сыновей и среднюю по возрасту дочь.

– Как идет твоя служба, Гарсиа? – повернулся он к старшему сыну.

– Через месяц – на Балеарские острова, – сухо ответил сорокатрехлетний офицер и промокнул салфеткой пышные рыжие усы.

– А как же Лусия и Пабло? – озабоченно спросил старик. – Так и останутся в Танжере? Или, может, пусть у меня поживут, пока ты не устроишься?

– Я еще не решил, папа. Но можно и так.

– Ладно, это мы с тобой еще обсудим, – кивнул старик и, несколько посуровев, развернулся к младшему. – А как твоя учеба в Военной академии, Сесил?

– Хорошо, папа, – не поднимая головы, отозвался тот.

– А что это за история с дракой, о которой я узнал от Франсиско? Сколько можно за тебя хлопотать? Ты же не в борделе служишь – в армии...

Сесил густо покраснел.

– Генерал Франко... превосходный офицер, – с трудом выговорил он, – но, поверьте, папа, у меня были основания.

– И какие? – пронзительно, в упор посмотрел на сына старик.

– Эти... лавочники...

– Ну?

– Они оскорбили имя королевского дома.

Отставной полковник армии Его Величества сеньор Хуан Диего Эсперанса растерянно заморгал и откинулся на высокую резную спинку стула.

– Неслыханно! А Франсиско об этом знает?! Ты сказал ему?!

Сесил опустил голову еще ниже.

– Сеньор Франко не считает возможным попустительствовать нарушениям воинской дисциплины, вне зависимости от причин, – медленно проговорил он. – И я, как и все остальные курсанты нашей академии, его в этом поддерживаю.

Некоторое время старик думал, а потом снова нахмурился.

– И... что они... как они... оскорбили?..

Сесил поджал губы, а Гарсиа недовольно поморщился.

– Не надо, папа. Только не в нашем доме.

– Нет, я хочу знать! – Сеньор Эсперанса ударил кулаком по столу так, что задребезжала посуда. – Говори!

Сесил побледнел:

– Они сказали... сказали, что Его Величество король Альфонсо XIII... не годится даже на то, чтобы подавать покойному генералу Примо де Ривера домашние тапочки.

Старик побагровел, тяжело задышал, но взял себя в руки и только смущенно пробормотал:

– Неслыханно... И это – испанцы!

– Перестаньте, папа, – поморщилась сидящая в самом конце стола красивая женщина лет тридцати. – Все они хороши: что Ривера, что этот новый, Беренгер...

В доме стало еще тише. Некоторое время казалось, что грозы не миновать, но, вопреки ожиданиям, сеньор Эсперанса лишь горестно вздохнул.

– Ох, Тереса... – покачал он головой. – Хорошо еще, что мать твоя этого не слышит. Столичная жизнь тебя совсем испортила... Я вообще не понимаю, куда смотрит твой муж...

– На девок он смотрит, – откинула голову назад женщина.

– Тереса!

– А что, я не права? Но знаете, папа, меня это уже не касается...

Мужчины разом насторожились.

– Да-да... – Тереса резко бросила салфетку, встала из-за стола и под недоуменными взглядами братьев и отца пошла к дверям, но на пороге внезапно остановилась. – Мы больше не живем вместе.

– Как это? – опешил сеньор Эсперанса.

– Я решила развестись.

Раздался грохот, и выронившая поднос Хуанита бросилась собирать осколки.

Сеньор Эсперанса вскочил со стула, но схватился за сердце и буквально рухнул обратно.

– Гарсиа... – изменившимся голосом прохрипел он. – Ружье... Принеси мне ружье...

* * *

Себастьян избрал не самый короткий, но самый лучший и безопасный путь. Протащил сеньору Эсперанса вдоль целого ряда фамильных склепов знатных городских семей и продрался вместе с ней сквозь старые кусты шиповника к высокой церковной ограде, туда, где, как он давно заметил, один из прутьев был выломан.

Себастьян упорно тащил свой драгоценный груз вперед, и, когда из-за горы вышла полная луна, они с сеньорой Долорес были в каштановой роще, тянувшейся вдоль реки. И только здесь Себастьян остановился.

Аккуратно, так, чтобы ей было удобно, он уложил сеньору Долорес под огромным старым каштаном и замер. Только теперь Себастьян всерьез задумался о том, что будет делать дальше.

Пожалуй, нужно было бы взять в каморке Хуана Хесуса садовую тачку, но мальчик вспомнил, как отчаянно громко она скрипит... А шуметь сейчас было совсем не с руки.

Серебряный блик лунного света, пробившийся сквозь плотную листву, упал на лицо покойной сеньоры, высветив отливающую серебром седину, глубокие морщины на лбу и слегка приоткрытый рот. Себастьян на секунду задумался, а затем расстегнул охватывавший талию сеньоры Долорес тонкий кожаный пояс. Потом он взялся за подол черного шелкового платья.

Платье с хрустом разошлось пополам, обнажив затянутые в длинные кружевные панталоны ноги сеньоры Долорес и закрывающий грудь плотный корсет.

Некоторое время Себастьян любовался красивыми заклепками и ровными швами корсета, но потом как очнулся и принялся быстро распускать платье на длинные тонкие полосы и не остановился, пока не порвал его целиком. Затем немного повозился и развязал шнурки корсета. Вытащил его из-под спины сеньоры, положил справа от безмолвного тела и подивился тому, до чего же сеньора Долорес Эсперанса на самом деле щуплая.

* * *

Известие о том, что Тереса наплевала на приличия и решилась пойти на развод, повергло мужчин дома Эсперанса в такой шок, что обо всем остальном, включая только что состоявшиеся похороны, просто забыли.

В семье Эсперанса давно знали, что брак Тересы и Луиса Марии Альдани с самого начала был не слишком удачным. Унаследовав от отца довольно крупное состояние – два больших магазина в Сарагосе и плодородные земли, Луис Мария предпочел оставить имущество на управляющего и жить и делать карьеру в Мадриде.

Молодой Альдани подавал блестящие надежды. Он вращался в высшем свете Мадрида, был принят при дворе, заводил важные знакомства среди влиятельных лиц в окружении самого Примо де Риверы. Такой образ жизни требовал денег. В конечном счете менее чем за десять лет Луис Мария умудрился прокутить все свое состояние. Казалось, Луис Мария совсем уже поставил на себе крест.

Трудно сказать, в чем тут дело: то ли Мадрид оказался беспощаднее, чем ожидалось, то ли сам Альдани упустил что-то важное... В любом случае его еще можно было как-то понять, но то, что собиралась выкинуть Тереса, уже не лезло ни в какие ворота.

Возбужденные голоса и даже крики доносились из столовой, где собрался семейный совет, до поздней ночи. Но к трем утра уставший за день сильнее других старик сдался и теперь сидел, скорбно подперев подбородок сухой желтой кистью. И только братья все еще пытались повлиять на упрямую Тересу.

– У тебя же дочь! – болезненно морщился младший брат Сесил. – Ты подумала, какой пример может подать ей такое распутное поведение?! Что бы сказала наша мама, если бы могла тебя слышать?

Слова сына заставили сеньора Хуана вновь вмешаться в затянувшийся спор.

– Все, Тереса! – стукнул он по столу. – Надоело! Ты сегодня же возвращаешься домой и миришься с мужем!

– Ни за что!

Сеньор Эсперанса выпрямился на стуле:

– Тогда останешься у меня. До тех пор, пока не передумаешь.

Тереса только гордо вскинула голову.

– А о том, что у меня в Мадриде работа, а у маленькой Долорес – школа, вы, папа, не подумали?

– Никакого тебе Мадрида, пока не одумаешься, – жестко ответил старик. – Уж я-то прослежу, чтобы ты не позорила мое честное имя! Еще не хватало, чтобы люди показывали мне вслед пальцем, а тебя, дочь Долорес Эсперанса, царствие ей небесное, называли падшей!

* * *

Чтобы вырубить подходящие жерди, Себастьяну пришлось возвращаться в усыпальницу за киркой. Он оставил сеньору Долорес, ее корсет, пояс и растерзанное платье под каштаном, продрался обратно сквозь шиповник, прошел мимо череды освещенных полной луной склепов, нырнул в темноту фамильной усыпальницы семьи Эсперанса и нащупал брошенную кирку. Прошел к ограде, перерубил сплюсненной стороной кладбищенского инструмента два молодых ствола бузины, избавился от веток и бегом возвратился к оставленной в одиночестве даме. Быстро протянул узкий кожаный поясок сеньоры сквозь петли корсета, привязал концы пояса к жердям и натянул корсет на себя. Упряжь получилась, что надо, а жерди приходились чуть ниже подмышек.

Себастьян сбросил упряжь на землю и кинулся заплетать черные шелковые полосы в тонкие, но прочные косички. Натянул несколько штук между жердями и осторожно перевалил тело сеньоры на приготовленное ложе. Секунду подумал и крепко-накрепко притянул оставшимися шелковыми веревками узкие щиколотки и запястья сеньоры к жердям. Такая, распятая между жердями изготовленной им волокуши, она уже не могла свалиться по пути. Себастьян удовлетворенно качнул головой, впрягся в корсет, всем телом подался вперед и стронул поклажу с места.

* * *

Себастьян Хосе Эстебан родился в семье садовника. Садовником был его погибший от руки пьяного солдата прадед; лучшим в округе садовником считался его попавший под лошадь еще до рождения внука дед, садовником стал и отец. Матери Себастьян не помнил, но, как говорили, до того рокового дня, когда ее нашли в петле, она успела проявить изрядный вкус к фигурной стрижке кустов и формированию многоцветных и помпезных по моде того времени клумб. А потому вопроса, кем станет Себастьян Хосе Эстебан, попросту не существовало. Ни врожденная волчья пасть, ни его немота этой профессии не мешали.

В свои одиннадцать лет Себастьян мог часами разминать пальцами торф для грунта, знал, когда коровий навоз начинает созревать, разбирался в тонкостях обрезки кустов и был способен щелкать увесистыми садовыми ножницами от рассвета до полудня.

Пока он работал, его не били. Разумеется, от пятничной порки это не спасало, но именно к пятнице у отца, как правило, кончались деньги, поэтому в пятницу он чаще всего был трезв и относительно безопасен.

Бывало, что и в пятницу отец настолько увлекался, что Себастьяну приходилось спасаться бегством, но он знал опасные симптомы наизусть. Сначала отец порол его без всякого энтузиазма, исключительно для порядка, но когда на спине Себастьяна появлялась первая кровь, лицо отца краснело, становилось багровым, глаза все больше стекленели, а кончик языка высывался изо рта. И вот тут приходилось держать ухо востро.

Избежать наказания было невозможно, а защищаться – слишком опасно. Себастьян на собственной шкуре проверял: если он сопротивляется, отец заводится гораздо быстрее. Но и чрезмерное терпение приводило к тому же результату, и вот тогда приходилось спасаться бегством.

Это тоже была целая наука, и Себастьян прекрасно знал, где расположены запретные территории. Нельзя было бежать в сторону господского дома, на кухню или на конюшню. До самого заката, пока сыновья местных лавочников и мясников ловили в ручье форель, нельзя было появляться и в каштановой роще. Семнадцатилетние переростки могли перещеголять в жестокости кого угодно. Но всего беспощадней наказывалась попытка вырваться в город.

После нескольких подобных попыток Себастьян поумнел и приспособился прятаться на крыше собственного дома. Если отец был достаточно пьян, то не мог забраться вслед, а если был еще слишком трезв, Себастьян всегда успевал спрыгнуть. В таком случае погоня приобретала совершенно безнадежный характер, а наказание переносилось на субботу.

Правда, совершенно неожиданно он получил изрядную передышку. По субботам, сразу после получения жалованья, в доме семьи Эсперанса стал появляться падре Франсиско.

Это означало, что вся дворня, включая отложивших еженедельные покупки кухарок и вынужденного оставаться трезвым отца, должна собраться на чудной зеленой лужайке возле конюшни и почти до самой вечерней службы слушать душеполезные рассуждения отца Франсиско о пользе труда в жизни земной и последующем вечном отдохновении в жизни небесной.

Это были, пожалуй, самые лучшие дни. Падре сажал его рядом с собой на маленькую деревянную скамеечку, называл образцом безгрешности и трудолюбия и беспрерывно гладил по голове, а позднее, когда все расходились, уводил по аллее в глубь сада и, в искреннем восхищении чистотой этого ребенка, начинал ласкать его все сильнее, а дышать все чаще, потом внезапно бурно краснел и дрогнувшим голосом отправлял прелестное дитя помогать своему родителю в его праведных и нелегких трудах.

Разговоры о боге нравились Себастьяну. Благодаря этому висящему на кресте, похожему на конюха Энрике голому мужчине он каждую неделю по несколько часов был освобожден как от необходимости работать в саду, так и от пьяных воспитательных инициатив отца. Нет, конечно же, Себастьян знал, что его ждет, когда падре насытит свою жажду просвещения и мальчику придется вернуться в маленький домик под большим деревом в сотне метров от границы огромного господского сада, и все равно эти два часа его словно оберегал сам господь – бесконечно добрый и такой же ласковый, как падре.

Счастье длилось недолго. Старый сеньор Эсперанса поговорил с падре Франсиско, и вся его душеспасительная деятельность как-то быстро сошла на нет, а кухарки вернулись на кухню. Но кое-что полезное от этих недолгих прогулок по саду в обществе падре осталось. Отец вдруг стал прятать от сына глаза, а его воспитательные меры утратили былую масштабность. А однажды он продержался трезвым около двух месяцев и после очередного дня выплат исчез на сутки и вернулся с помятым латунным дистиллятором.

С этого дня он выпивал не чаще одного-двух раз в месяц, в основном когда возникала необходимость продегустировать прошедший через дистиллятор напиток, а к обязанностям Себастьяна прибавилась еще одна – по всему господскому саду собирать опавшие фрукты и корзинами приносить их в грот на самом краю огромного сада.

Отец все чаще стал исчезать по ночам, неплохо одевался и все больше и больше обязанностей по уходу за садом перекладывал на подрастающего сына. Себастьян же нет-нет да и сбегал в храм поглазеть на огромное распятие Христа. Теперь он точно знал, что этот деревянный бог, если захочет, может очень и очень многое.

* * *

Мужчины разошлись по своим спальням, а Тереса вышла на большую, нависающую над садом террасу. Она понимала, что не сможет объяснить отцу и братьям, что значит неделями ждать, когда муж соизволит снизойти до собственной жены, предпочитая пропадать у дешевых актрисок; что значит, когда тот, кому она поклялась в вечной верности у алтаря божьего храма, приходит пропахший тошнотворно сладкими духами, фальшиво целует ее в лоб и снова исчезает якобы в банк или к своему министерскому другу.

«Ложь, – думала она. – Вот что такое наш брак. Одна только ложь!» Теперь Тереса вовсе не была уверена в том, что Луис не лгал и у алтаря, и очень жалела, что ей не хватило отваги уйти раньше – раз и навсегда.

– Не спишь?

Она обернулась. Это был Сесил.

– Нет, Сесил, что-то не спится.

Он подошел и встал рядом. Цикады надрывались так яростно, словно пытались изобличить перед небесами всех и вся.

– Душно.

Она кивнула. Сесил всегда был ей ближе остальных, но даже он не решился бы поддержать сестру в такой ситуации.

– Знаешь, Тереса, я тебя в чем-то понимаю... – вздохнул он. – Но пойми и ты: даже если Его Святейшество разрешит тебе развод, а это почти невозможно... у тебя ведь есть маленькая Долорес. Как ты ей это объяснишь? А главное, как она это объяснит своим подругам?

Тереса задумалась. Она сама понимала, как сложно будет и ей, и ее десятилетней дочери. Рассчитывать на цивилизованное отношение к разводу, как во Франции или Германии, ни ей, ни ее дочери не приходилось. Да и не даст ей папа Пий развода, нечего и надеяться...

– Не знаю, – вздохнула она. – Если бы мама была жива, она бы что-нибудь подсказала...

* * *

Тащить тело сеньоры Эсперанса даже на волокушах было тяжело, а многочисленные подъемы и спуски отнимали слишком много сил. Себастьян стал все чаще останавливаться, и с каждой новой остановкой отдых становился все длиннее, а переходы все короче. Дважды он наткнулся на парочки влюбленных, один раз ему встретился припозднившийся рыбак, и тогда он уходил с тропы и, поминутно спотыкаясь, тащил тяжелеющее час от часу тело по зарослям.

Но самое страшное произошло на последнем, пожалуй, самом крутом подъеме. Уже почти наверху изящный кожаный ремешок сеньоры Долорес лопнул, волокуши оторвались от корсета и вместе с телом резко съехали вниз, обо что-то зацепились, перевернулись и... покатались вниз по склону.

Себастьян бросился догонять мертвую сеньору, но куда там... Когда он все-таки спустился и осмотрел волокуши, то растерянно всхлипнул: порвался не только ремешок, лопнули несколько стягивавших жерди шелковых веревок, и найти им замену прямо сейчас было просто негде.

Стиснув зубы, Себастьян терпеливо связал порвавшиеся концы, впрягся в волокуши и, хватаясь за корни и невысокие жесткие кусты, начал подъем снова.

Он смертельно устал, тело сеньоры провисало между жердей, затем начало цеплять землю, мешая идти, и когда он поднялся на самый верх, то упал рядом с сеньорой Долорес, чувствуя, что не может двинуться.

Небо на востоке уже приобрело сиреневый цвет, и Себастьян знал: пройдет совсем немного времени, столько, сколько нужно, чтобы натаскать в африканскую оранжерею семьи Эсперанса десять-двенадцать ведер воды, и небо станет розовым. А потом поднимется солнце.

Он поднялся через силу и внимательно осмотрел груз. Само тело за время пути почти не пострадало, но вот кружев на подбранном кореньями нижнем белье

сеньоры Долорес практически не осталось, как не было и обеих туфель на маленьких сухих ножках, а на шее – жемчужного ожерелья.

Себастьян взглянул вниз и увидел его. Порванное попавшимся на пути корешком ожерелье лежало совсем рядом, всего-то шагах в двадцати. Он посмотрел на уже розовеющее небо, затем – на волокуши с телом сеньоры Долорес, вздохнул и все-таки заставил себя спуститься. Осторожно снял ожерелье с корешка, оскальзываясь на сыпучем склоне, вернулся наверх, секунду размышлял, а затем сунул его за воротник белой нижней рубашки сеньоры и снова влез в свою упряжь.

* * *

Сразу не скажешь, что было тому причиной – слишком уж напряженный, суматошный день или на редкость душная ночь, но спал падре Франсиско ужасно. Раз шесть он поднимался, чтобы выпить воды, и даже облился ведром омерзительно теплой, почти горячей воды из дубовой кадки, а в четыре утра понял, что больше не может.

Он поднялся, надел новое тонкое, сшитое на заказ в Мадриде, белье, затем – сутану и торопливо, радуясь тому, что попадет в божественную прохладу самого высокого и просторного городского здания еще до восхода солнца, побрел к храму. Миновал ворота и, подчиняясь многолетней привычке, двинулся вокруг двора посмотреть, все ли в порядке. И, едва сделав первый поворот, остолбенел. Дверь в сарай с садовым инструментом была распахнута настежь!

– Ну, я ему покажу... – пробормотал падре Франсиско. – Сколько раз ведь говорил, что все должно быть в идеальном порядке! А вдруг ему завтра придется предстать перед господом?

Он сокрушенно покачал головой и встревоженно взглянул на восток. Обещающая скорое наступление жары тонкая розовая полоска восхода ширилась на глазах.

Падре Франсиско стремительно пошел мимо посаженной по его инициативе молодой лавровой аллеи, ведущей к фамильным склепам первых семей города, и мысленно похвалил себя за эту дельную мысль – аллея смотрелась превосходно.

Скользнул взглядом по склепу семейства Эсперанса и застыл от удивления: дверь склепа была открыта.

«Может, старик? – подумал он. – Молодые – вряд ли. Хуан тоже без моего указания убирать не пойдет... Да и второй ключ только у меня...»

Падре Франсиско хмыкнул и, придав себе подобающий – торжественный и одновременно скорбный – вид, направился по аллее к склепу. Прокашлялся перед входом, с удовлетворением отметил торчащий из замочной скважины ключ и степенно шагнул внутрь.

– Сеньор Эсперанса... – тихо позвал он. – Это вы бодрствуете у ложа вечного покоя рабы божией Долорес?

Никто не ответил.

Падре Франсиско прошел дальше, несколько раз зажмурился, чтобы глаза быстрее привыкли к темноте, и приблизился к гробнице. Нащупал ее край, наклонив голову долу, возложил на него свою ладонь и почувствовал, что пальцы провалились.

Он приблизил глаза к гробнице, и сердце его зашлось и ухнуло куда-то вниз...

Гробница была пуста.

* * *

Сначала падре Франсиско попытался убедить себя, что это сон. Он быстро ущипнул себя за руку, но уже и так понял, что все происходит наяву.

– Бог мой! За что?! – жалобно – даже не взмолился – заскулил он.

Он уже знал: ему предстоят крупные неприятности. Учитывая общественное положение семьи Эсперанса, очень крупные.

Падре шумно вздохнул. Если это грабители, тело сеньоры Долорес наверняка еще здесь, и его можно вернуть обратно и тихо, еще до начала утренней службы, все восстановить...

Он кинулся обыскивать склеп, но внезапно споткнулся, рухнул на пол и замер. Прямо под его ладонями прощупывались крупные колотые куски мрамора.

«Крышка! – понял он. – Вдребезги. Господи! За что?!»

Падре Франсиско вскочил и, поскуливая от ужаса, обежал склеп. Заглянул за каждую усыпальницу, обошел кругом статую Пречистой Девы Марии, судорожно обыскал пространство за высокими каменными вазами – пусто!

– Не может быть! – пробормотал он и уже тщательнее, заставляя себя обращать внимание на каждую деталь, осмотрел склеп еще раз.

Тела покойной сеньоры Долорес не было.

Падре снова заглянул в гробницу, ощупал ее рукой изнутри, с непонятной даже ему самому надеждой потрогал снаружи и, скрипнув зубами, выскочил из усыпальницы. Обежал все склепы, осмотрел каждый лавровый куст, побежал вдоль ограды и здесь как споткнулся. Один из увенчанных копьевидным наконечником прутьев был выломан.

Падре Франсиско бросился к проему в ограде и тут же увидел на ветке шиповника тоненькую черную ленточку. Схватил ее, потер между пальцами... все-таки понюхал и, ощутив еле уловимый запах гнилых цветов, сел на землю и заплакал. Прямо за оградой, метрах в тридцати, простиралась огромная каштановая роща – там даже табун лошадей не найти, не то что маленькую, хрупкую покойную сеньору.

«Господи! Как же я им скажу?!»

* * *

Себастьян тянул свою ношу сколько мог, но, когда спустился со склона к мосту через реку, понял, что пора остановиться. Небо уже стало голубым, а вершины

далеких гор были ярко освещены стремительно поднимающимся из-за горизонта светилом.

Там впереди, за дорогой, и справа и слева от моста простирались голые, покрытые редкой травой сопки, – ни спрятаться, ни укрыться, а пройдет не более часа, и по ведущей в Сарагосу дороге потянутся караваны подвод и редкие, но крайне шустрые автомобили крупного городского начальства.

Себастьян сжал жерди как можно крепче и на нетвердых, подгибающихся ногах побрел вместе с волокушами вниз, под мост. Съехал по осыпи, в последний миг удержался, чтобы не покатиться вниз на торчащие из бурлящей воды камни, и из последних сил затащил тело сеньоры Эсперанса под упирающийся в берег пролет моста. И тут же солнце вырвалось из-за темно-синей горы.

Себастьян зажмурился, отвернулся и внезапно заметил на щеках и скулах сеньоры Долорес крупные капли пота. Он наклонился над морщинистым желтым лицом и осторожно коснулся одной из капель пальцем. Та оказалась холодной как лед. Попробовал – несоленая.

Нечто подобное он видел, когда отец выносил из грота бутылки с выгнанным на латунном дистилляторе и уже охлажденным винным спиртом. Сначала бутылки стояли как ни в чем не бывало, затем начинали покрываться испариной, затем по их гладким бокам начинали течь струйки, и в конце концов около бутылок образовывалась целая лужа.

Себастьян нахмурился; он совсем не был уверен, что сеньора Долорес не начнет потеть так же сильно и что это не испортит ее тело. Кроме того, он гораздо сильнее начал чувствовать исходящий от нее запах, а главное, его почуяли мухи, и возле сеньоры уже крутились две большие зеленые красавицы.

Себастьян выполз из своего укрытия, подошел к склонившемуся над рекой орешнику и отломал самую пышную ветку, какую нашел. Подумал, что сеньору Долорес лучше будет укрыть целиком, и сломал еще четыре ветки, нырнул под мост, отогнал от сеньоры мух и тщательно укрыл ее тело ветками. Сел рядом, подтянул колени к груди и замер. Он очень устал.

* * *

Когда взмокший, задыхающийся падре Франсиско прибежал к дому алькальда сеньора Рауля Рохо, солнце уже вышло из-за гор. Не обращая внимания на приличия, падре промчался по мощенной тесаным камнем дорожке к высокой резной двери и что было сил заколотил в нее кулаками.

Никто не открывал.

Он ударил в дверь еще раз и еще, развернулся и начал бить в нее ногой, и только потом вспомнил, что есть же звонок, и рванул за витой шнур.

Дверь дрогнула, падре отскочил в сторону, дождался, когда ее откроют, и, отбросив дворецкого в сторону, ворвался в полутемную переднюю.

– Где... сеньор Рохо?..

– Спит... – удивленно ответил дворецкий.

– Буди, ради всего святого, что у тебя еще осталось... – выдавил падре, прошел в гостиную и рухнул в кресло у камина.

* * *

Когда сеньор Рохо услышал эту странную весть, он решил, что падре свихнулся. Он еще раз переспросил, уверен ли падре Франсиско в том, что тела сеньоры Долорес Эсперанса в склепе нет, но когда услышал эти подробности об оставленном в двери ключе, вдребезги разбитой тяжелой мраморной крышке и выломанном пруте ограды, о найденном в кустах шиповника тоненьком черном лоскутке, – по спине алькальда пробежал мертвящий холодок.

– Черт побери! – растерянно пробормотал он и упал в кресло рядом с падре. – Только этого мне не хватало!

– Ради всего святого! – взмолился падре. – Зачем же такие слова?

– Извините, ваше преподобие...

Алькальд взглянул на календарь. Было 9 апреля 1931 года, и это означало, что до муниципальных выборов осталось ровно три дня.

Кто, как не алькальд, знал, какое влияние в городе имеет семья полковника Эсперанса, и кто, как не алькальд, мог представить, какими неприятностями грозит происшедшее и падре Франсиско, и начальнику полиции, но главное – лично ему, алькальду. Потому что, если тело не будет найдено и возвращено в семейную усыпальницу, а преступники наказаны, причем в кратчайшие сроки, можно забыть не только об этих выборах, но и вообще о собственной политической карьере.

Надо было действовать – энергично и с толком.

Сеньор Рохо спешно отправил дворецкого поднимать на ноги начальника полиции, а сам послал Паблито за одеждой на второй этаж и, не стесняясь присутствия духовного лица и не прекращая выяснять обстоятельства дела, начал одеваться. Обстоятельства выяснялись пренеприятные.

Во-первых, кто бы ни были неведомые налетчики, они имели доступ к ключам от склепа – либо в храме, либо в доме Эсперанса. И то и другое пахло скандалом.

А во-вторых, это определенно не были грабители могил, коих в последнее время благодаря так называемым археологам, а проще сказать, безбожникам, развелось чересчур много. Впрочем, даже если бы склеп посетили грабители, это вызвало бы небывалый скандал. Но исчезло тело!

Алькальд вдруг вспомнил, как ему рассказывали друзья из Сарагосы, что еще недавно, каких-нибудь двести лет назад, в Испании похищались тела для медицинских опытов, и ему стало нехорошо. Представить себе, что тело благородной сеньоры, возможно даже частично обнаженным, ляжет на мраморный стол, чтобы предстать перед любопытными взглядами десятков так называемых «ученых», а то и студентов, он не мог.

Впрочем, была еще одна возможность, но о ней алькальд даже подумать боялся.

Дело в том, что совсем недавно сеньор Эсперанса поднял плату за землю, и в результате кое-кто из арендаторов оказался на грани разорения. И как бы ни хотелось сеньору Рохо ошибиться, но похищение мертвого тела из фамильного

склепа семьи Эсперанса более всего походило на месть – изощренную и жестокую.

Алькальд вздохнул. Времена менялись, и менялись не в лучшую сторону. А уж швали всякой поразвелось! Он вдруг вспомнил, что на днях порассказали ему друзья из тайной полиции Сарагосы, и зябко поежился. Все эти анархисты, бомбисты, коммунисты... жгут на площадях портреты государя, требуют прав на автономию и разводы. От этой публики можно ждать чего угодно! А уж для того, чтобы можно было покрасоваться перед «народо?м» и утереть нос власти, они мать родную из могилы вытащат, не то что богатую и уже в силу этого ненавистную сеньору Долорес.

* * *

Когда по единственному в городе мосту прямо над головой Себастьяна провели первую отару овец, он поднялся и внимательно оценил свое укрытие. Оно никуда не годилось: отец нашел бы его здесь мгновенно.

Себастьян тщательно осмотрел подходы к мосту, прикинул расстояние до ближайших зарослей, снова оглядел опоры моста и удовлетворенно улыбнулся. Лежащие на опорах дубовые балки были достаточно широки, не менее полутора его локтей шириной. Когда-то на них крепился настил, но после позапрошлого года наводнения опоры укрепили, нарастили, а сверху положили еще один ряд балок и новый настил. Но и старые балки остались, и сеньора Долорес на такой балке превосходно умещалась.

Себастьян быстро подтащил волокуши поближе, напрягся и поставил их почти стоймя. Размякшее от жары тело сеньоры Долорес тут же провисло, но, привязанное к жердям крепкими, скрученными из ее собственного платья шнурами, не падало. Он приподнял нижнюю часть волокуш и, кряхтя от натуги, в два приема затолкал свой груз на балку. Осторожно поправил его, убедился, что отсюда тело сеньоры никуда не денется, и сам забрался на соседнюю балку. Повернулся на бок, поджал колени к животу и закрыл глаза.

Вчера вечером отец повез продавать очередную партию винного спирта, и Себастьян знал: раньше ночи он уже не вернется и сына не хватится. А вот необходимость вернуться до вечера, чтобы успеть полить цветы, беспокоила его очень сильно. И если бы не сеньора Долорес... Себастьян грустно вздохнул. Он

не мог оставить старую сеньору одну.

* * *

Когда начальник городской полиции лейтенант Мигель Санчес прибыл в дом алькальда, там уже все поднялись. Жена сеньора Рауля Рохо, не видевшая мужа таким возбужденным с 1923 года, когда положение королевского дома пошатнулось и на помощь короне пришел генерал Примо де Ривера, не на шутку встревожилась, разбудила детей и прислугу.

Так что, когда к дому подъехала вызванная из гаража машина алькальда, во дворе собрались все, кто был в доме. Но сеньор Рохо этого, казалось, даже не заметил; лишь стремительно забрался на заднее, пассажирское, сиденье служебного «Шевроле» и раздраженно указал начальнику полиции на место рядом с собой:

– Садитесь, Мигель.

– Что случилось, сеньор Рохо? – насторожился начальник полиции. Никогда прежде алькальд не снисходил до того, чтобы ездить с ним в одной машине.

Алькальд сокрушенно покачал головой. Этого сопляка Мигеля Санчеса прислали к нему в город из Сарагосы четыре месяца назад, когда прежний начальник полиции скорострительно скончался, и сеньор Рохо имел все основания полагать, что он еще хлебнет горя с этим молокососом.

– Тело сеньоры Долорес пропало, – сквозь зубы процедил он.

– Как пропало? – растерялся лейтенант Санчес. – Куда оно могло пропасть?

– Не знаю! – раздраженно вспыхнул алькальд. – Вот вы мне и скажете, куда именно!

– Кто сообщил? – мгновенно взял себя в руки молодой начальник полиции.

– Падре Франсиско. Четверть часа назад у меня был. Сказал, мраморная крышка усыпальницы разбита, а тела нет.

У лейтенанта перехватило дыхание. Он старался не торопиться с выводами, но предчувствия были самыми нехорошими.

– А где падре сейчас? – холодея, спросил он. – И вообще, хорошо ли он осмотрел место происшествия? Да и кому нужен труп?

– Вот вы это и выясните, – буркнул алькальд. – Я сам еще не все понял.

Оба умолкли, и лейтенант Санчес, действительно еще слишком молодой для должности начальника полиции, пусть и маленького провинциального городка, подумал, что с таким отношением алькальда ему здесь не удержаться. Примерно то же думал и сеньор Рохо, хотя гораздо больше его заботили далеко идущие политические последствия преступления. Кто бы ни были эти похитители, они ударили его в самое сердце.

Машина протряслась по булыжной мостовой несколько кварталов, быстро пересекла окраинные застройки, и вот уже впереди показалась и начала расти серая громада храма. Шофер подъехал к храмовой ограде, но впервые алькальд не хлопнул его по плечу, приказывая остановиться, и впервые его автомобиль непочтительно пересек границу священной земли и встал прямо напротив лавровой аллеи.

Алькальд спрыгнул на выложенную тесаным камнем дорожку и молча стремительным шагом направился к фамильному склепу Эсперанса. Сдвинул в сторону скорбно замершего у входа падре Франсиско, отметил взглядом открытую дверь и вставленный в замочную скважину большой узорный ключ, перекрестился и решительно шагнул внутрь.

Солнце освещало внутренность склепа достаточно хорошо, и алькальд сразу увидел все: и разбросанные по всему полу увядшие розы, и пустую гробницу, и разбитую крышку рядом с ней.

– Дьявол!

Вошедший следом начальник полиции встал рядом.

– Только не трогайте ничего, сеньор Рохо, – тихо попросил он.

– Вот кому это могло понадобиться? – дрогнувшим голосом спросил алькальд – не его, а самого себя.

– В академии нам рассказывали о похожем случае, – судорожно вздохнул молодой полицейский офицер, но взял себя в руки и принялся внимательно осматривать каждую деталь: и крышку, и разбросанные повсюду цветы, и пустую гробницу.

– А вам в академии не рассказывали, как избежать политического скандала накануне выборов? – язвительно поинтересовался алькальд.

– Рассказывали, – не оборачиваясь, кивнул Санчес. – Будем брать расписку о неразглашении с каждого допрошенного свидетеля. Ну... и сами – помалкивать...

– Я не могу утаить это от сеньора Эсперанса, – раздраженно возразил алькальд.

– А вам это и не удастся, – покачал головой начальник полиции. – Я уже спросил падре – его ключ на месте. А значит, тот ключ, что торчит в дверях, похищен из дома Эсперанса, и, скорее всего, кем-то из прислуги. Так что допрашивать придется всех.

Алькальд горестно вздохнул. Уж в том, что кухаркам дома Эсперанса рот не заткнешь, возьми хоть десять расписок, он был уверен.

* * *

Они провели в склепе совсем немного времени, и Мигель, взяв у падре Франсиско тоненький шелковый лоскуток от платья сеньоры Долорес и вкратце расспросив его, в какой последовательности прошло это утро, подал знак алькальду и двинулся к ограде. Показал сеньору Рохо на выломанный прут и примятые кусты шиповника и с усилием продрался сквозь густые заросли.

Вещественных доказательств была масса. Повсюду: на кустах шиповника, на жухлой желтоватой траве, на протоптанной рыбаками тропе – он видел многочисленные черные шелковые нитки и – самое главное – следы волочения тела.

– Он шел впереди и задом, – на ходу продемонстрировал Мигель алькальду, как именно тащили труп. – Поэтому и следов его на тропе нет; все затерто телом покойной сеньоры.

– А почему вы думаете, что он был один? – хмуро поинтересовался сеньор Рохо.

Начальник полиции пожал плечами:

– Видно. Тропинка слишком узка для двоих, поэтому они примяли бы траву и справа, и слева от следов волочения, но трава цела.

Они прошли еще около пятидесяти метров, и тут, возле старого огромного каштана, лейтенант остановился и присел. С минуту разглядывал густо покрывавшие массивные корни черные шелковые нитки, затем быстро переместился чуть дальше, провел указательным пальцем по одной из двух глубоких борозд во влажной земле и разогнулся.

– Он сделал что-то вроде носилок для одного человека.

– И что это значит? – с подозрением уставился на молодого полицейского алькальд.

– Он мог уйти достаточно далеко. Надо вызывать солдат для прочесывания всего лесного массива и немедленно задержать всю прислугу дома Эсперанса для допроса.

Сеньор Рохо зло дернул губой. Этот мальчишка, похоже, пытался давать указания алькальду.

– Насчет прислуги-то я распоряжусь, – словно сообразив, что именно так раздражает алькальда, задумчиво проговорил Мигель, – но солдат вызвать можете только вы. Больше никому.

– А вы представляете себе, сколько разговоров пойдет, если я подключу войска? – недобро прищурился алькальд.

– А вы представляете себе, – парировал офицер, – сколько дней я все это прочесывать буду со своими шестью полицейскими?

Алькальд обиженно поджал губы. Возразить было нечего.

– Господи... Ну вот кому это могло понадобиться?

– Вы Зигмунда Фрейда читали? – отряхнул испачканные землей ладони юный начальник полиции. – У него есть очень толковые наблюдения...

Алькальд печально покачал головой. Теперь он точно знал, что они с этим «студентом» не сработаются.

* * *

Иногда Себастьяну казалось, что где-то внутри он знает, как она выглядела. Но в снах мать приходила к нему лишь невнятной темной тенью. Он не видел ни ее лица, ни ее рук, и только алая оторочка по краю черного жакета всегда была ясной и четко различимой.

А вот тот день, когда ее обнаружили в петле, отпечатался в памяти Себастьяна на удивление ярко. Он прекрасно помнил привязанную к толстой ветви дуба прямо за их домом и обрезанную кем-то веревку. Он до мельчайших деталей помнил позу отца, сидящего на дощатом ящике возле дома и бессмысленно теребящего в руках темно-зеленый шейный платок. Запомнил он и толстого полицейского, окруженного женщинами с кухни, и даже то, как моментально замолкали слуги, стоило ему или отцу, даже спустя много дней, появиться возле хозяйского дома.

Возможно, если бы Себастьян знал или хотя бы мог себе представлять другую жизнь, он бы иначе оценил окруживший их с отцом вакуум, но он не знал и не мог представить себе ничего другого. Изоляция от остальных работников дома Эсперанса и шепот за спиной были привычны и обыденны, как ежедневный труд в саду, как собственная немота и как те причудливые образы, что являлись ему

во сне, как сейчас...

* * *

Мигель вернулся в каштановую рощу сразу же после того, как отдал распоряжение капралу Альваресу задержать всю дворню дома Эсперанса и не выпускать никого вплоть до его прихода. Он еще раз осмотрел зловещее место под каштаном и пришел к выводу, что количество висящих повсюду нитей говорит лишь об одном: именно здесь платье сеньоры Долорес было разорвано, и, возможно, на множество лоскутов. Он достал из рукава полотняный носовой платок, вытер взмокший лоб, пригнулся к земле и пошел, а затем побежал вдоль четких бороздок, оставленных носилками неведомого похитителя.

Бежать пришлось долго. Дважды Мигель едва не терял след, дважды обнаруживал, что преступник по непонятным причинам сворачивал с тропы, и дважды же, цепляясь за гнилые корни и редкие кусты, попадал на самое настоящее бездорожье. Поднимался по осыпи на довольно высокие холмы, брел заваленными буреломом оврагами и не переставал дивиться невероятной целеустремленности и физической крепости злодея. А на самом крутом подъеме он испытал настоящее потрясение. Повсюду, буквально на каждом метре его пути, валялись обрывки белых кружев.

На секунду ему даже стало плохо. Точно такие же кружева он видел однажды, когда, еще в Мадриде, осматривал тело убитой сутенером проститутки. Прекрасно помня, во что была одета проститутка, Мигель сделал несокрушимый вывод: вокруг разбросаны части женского нижнего белья, а если еще точнее – панталон.

«Бедный сеньор Эсперанса! – сокрушенно думал он. – Как же ему сказать?»

Он прошел еще дальше, поднял с земли маленькую серебряную бляшку, украшавшую пояс покойной сеньоры, изящную черную туфельку с левой ноги и наконец отыскал единственную вещь, которая могла представлять интерес в смысле продажи, – крупную белую жемчужину.

Лейтенант Санчес был на похоронах и хорошо запомнил это жемчужное ожерелье на покойной, и, пожалуй, только теперь он окончательно уверился в

том, что преступника абсолютно, даже на самую малость, не интересовали украшения покойной. Иначе он не допустил бы потери такой драгоценности и снял бы ожерелье в самом начале, еще в склепе.

Он перевел дух и побежал по отчетливо видимому следу дальше, перевалил через холм, падая и оскальзываясь, промчался вниз и только на выходе к мосту в растерянности остановился. Здесь, у самого русла горной речушки, все было усыпано обкатанными камнями, и след мог просто не сохраниться.

Невероятно сильное даже для апреля полуденное солнце жарило вовсю и еще набирало мощь. Мигель вытер взмокший лоб полотняным платком, стараясь не терять след, трусцой побежал вниз по склону и вдруг увидел, как из-за поворота показалась и двинулась по дороге к мосту вызванная посыльным алькальда рота королевской пехоты.

«А ведь на мосту могут быть царапины!»

– Стой! Диего, стой! – заорал он, но идущий впереди колонны лейтенант его не слышал.

Мигель прибавил ходу. Он бежал и орал изо всех сил, но расстояние между ними было слишком велико, а топот полутора сотен пар сапог заглушал любые крики. И когда начальник полиции с колотящимся, готовым выпрыгнуть из груди сердцем выскочил из рощи, рота уже ступила на мост, уничтожая и следы, и другие возможные улики.

– Дьявол!

Он опоздал, и это было непоправимо.

* * *

Когда сверху, по новому дощатому настилу загрохотали сапоги, Себастьян открыл глаза. Обувь была подкованной; это была хорошая, крепкая обувь, какую носили полицейские и солдаты, – он видел, как однажды сквозь город прошли строевым шагом много-много солдат. Себастьян растопырил пальцы на руках и признал, что их было гораздо больше.

Судя по блестящим пуговицам и мундирам из плотной материи, солдаты были очень богатыми людьми; в их городе ни у кого из простых людей не было такой одежды и такой обуви, а поденщики и вовсе круглый год ходили босыми. Но ни солдаты, ни полицейские не были простыми людьми. Себастьян прекрасно помнил, как сам алькальд сеньор Рохо почтительно прикладывал руку к козырьку, когда по центральной площади проходили солдаты Его Величества.

Себастьяну страшно хотелось посмотреть, как они строем идут по мосту, но он понимал, что этого делать нельзя. Он еще раз внимательно осмотрел свое укрытие, еще раз оценил то, как удачно лежит сеньора Долорес, и удовлетворенно вздохнул. Все было как нельзя лучше, и теперь оставалось только ждать.

* * *

Рота остановилась сразу за мостом. Мигель сбавил скорость и, уже не слишком торопясь, пошел к стоящему напротив своих подчиненных такому же молодому, как он сам, армейскому лейтенанту.

– Диего...

– Мигель?! – лейтенант повернулся к подчиненным. – Рота-а! Вольно! Можно перекурить!

– Ты уже знаешь? – подошел ближе Мигель.

Лейтенант улыбнулся и хлестнул себя прутиком по начищенному до сияния сапогу.

– Я только знаю, что алькальд сегодня как с цепи сорвался. Приказал поступить в твое распоряжение. – Офицер весело хохотнул, обнажив крупные белые зубы. – Только я никак не возьму в толк, с каких это пор королевская пехота должна подчиняться полиции?

– Дело серьезное, Диего, – покачал головой Мигель. – И мне, поверь, не до шуток.

– Ну, говори, – пожал плечами мгновенно посерьезневший лейтенант.

– Нужно прочесать всю округу.

– А кого искать? Что, опять каторжник бежал?

– Хуже, Диего, – покачал головой Мигель. – Много хуже. Ищем физически крепкого, скорее всего, молодого мужчину. И с ним может быть труп женщины в нижнем белье.

– Труп?! – поднял брови лейтенант.

– Да, Диего, труп, – кивнул Мигель. – Конечно, он может и бросить этот труп, но, скорее всего, некоторое время они будут рядом. Может, еще сутки...

– А ты не ошибаешься? – недоверчиво протянул Диего. – Зачем ему труп на руках? Это же верная каторга! И что за баба? Наша? Городская?

Мигель замялся. Он не знал, как пересказать лейтенанту содержание прослушанной им в академии лекции. И уж тем более он не имел права раскрывать имя похищенной.

– Понимаешь, Диего... некоторые... преступники хотят... – он глубоко вздохнул и выпалил все сразу: – В общем, им нужен труп, как мужчине нужна женщина. Поэтому, сам понимаешь, имя этой дамы я тебе не скажу.

Лейтенант вытаращил глаза и несколько секунд лишь бессмысленно жевал губами.

– Ты чего такое говоришь, Мигель? Как это – как женщина?

– Я тебе точно говорю, – убежденно кивнул Мигель. – Она ему нужна как женщина.

Лейтенант брезгливо скривился.

– Как же можно... с мертвой? Ты о чем говоришь? Кто же это будет... – он подавил рвотный позыв и не выдержал – сплюнул. – С мертвой...

– Есть такие, – тоже не удержался и сплюнул Мигель. – Уже были случаи: два года назад в Мадриде и еще один лет семь назад в Барселоне.

Лейтенант недоверчиво покачал головой:

– Ты, наверное, на солнце перегрелся. Но если так надо, – вперед, командуй.

Мигель повернулся к холму и показал рукой на вершину.

– Смотри, Диего, он шел оттуда и спустился прямо к мосту. Пошли один взвод вдоль правого берега, а остальных здесь, вдоль левого, направо и налево от моста. Если кто найдет на земле две борозды от... волокуши, пусть немедленно доложит.

Лейтенант терпеливо слушал. Он все еще не верил в эту небылицу, но было ясно, что его товарищ по карточному столу вполне серьезен.

– Ладно, Мигель, я все понял, сделаю, как ты сказал, – кивнул он и резко обернулся в сторону подчиненных: – Сержанты, ко мне!

* * *

Когда солдаты рассыпались и начали прочесывать берега, до Мигеля дошло, что следует проверить и сам мост, и едва он осторожно, чуть не скатившись по осыпи в самый низ, пробрался к ближайшим стоящим на берегу опорам, то понял: все так! Никакой ошибки!

Прямо под мостом лежали практически свежие ветки лещины. Он осторожно подобрался ближе и с содроганием перебрал их одну за другой, осматривая каждый листок. Здесь могли быть следы мужского семени. Исходящий от веток трупный запах начальник полиции уже чувствовал.

«Именно здесь он уже не мог утерпеть, – стиснув зубы от омерзения, констатировал Мигель. – Удовлетворил свою дьявольскую страсть и... и что дальше?»

Он задумался. Перебраться через реку иначе как по мосту было невозможно. Следовательно, преступник либо вернулся на мост, либо пошел вниз по руслу, причем именно по правому берегу.

«А если он пошел вверх по руслу? – Мигель тяжело вздохнул. – Господи! Сколько ж он ее будет с собой таскать?! День? Два? Сколько?!»

* * *

Себастьян все видел. Он видел, как внимательно молодой офицер полиции осмотрел сорванные им ветки и скользнул пронзительным взглядом по опорам моста. Стоило ему поднять глаза еще чуть-чуть, и он точно нашел бы то, что искал. Но и на этот раз бог оказался на стороне Себастьяна. Раздувая ноздри и брезгливо морщась, полицейский с минуту постоял, прошел прямо под трупом сеньоры Долорес, а затем, тревожно озираясь, двинулся вниз по течению.

Некоторое время Себастьян слушал, как неровно бьется его сердце, а потом успокоился и снова закрыл глаза. Так ему было лучше.

* * *

Когда некоторые женщины пытались заговорить с его отцом, этот сумрачный, крепкий человек никогда не вел себя так, как конюх Энрике или дворецкий. Он никогда не хватал Хуаниту и Кармен за их крепкие крестьянские бока, не рассказывал им скабрёзных историй о похотливых священниках и наивных прихожанках; он вообще не делал ничего, чтобы сблизиться с остальными.

Казалось, из всех живущих на свете людей его заботит лишь его собственный сын – единственное, что еще напоминало о покойной жене. Но и эти внимание и забота никогда не выходили за рамки однажды установленных правил, а потому довольно рано, еще до того, как сыну исполнилось пять лет, отец уже ставил его дергать сорную траву и обирать с кустов гусениц. Когда же Себастьяну

исполнилось семь, он уже вовсю орудовал мотыгой, а в девять делал все то же, что и отец. В таком же полном молчании.

Именно тогда падре Франсиско отметил похвальное трудолюбие этого молчаливого чада и именно тогда начал свои еженедельные проповеди, заканчивающиеся долгой, немного странной прогулкой по саду. Падре говорил очень много, и Себастьяну было трудно уследить за витиеватой мыслью святого отца. Но одно он понял совершенно точно: падре Франсиско рад, что немой мальчик с изуродованным волчьей пастью лицом лишен возможности трепать языком направо и налево, а значит, ему остается только непрерывный праведный труд.

Так оно и было.

* * *

К полудню стало ясно, что след окончательно потерян. Мигель шипел от досады, но делать было нечего. Вдоль всего русла, хоть направо, хоть налево, шли сплошные камни, и преступник воспользовался этим обстоятельством с полным знанием дела.

– Что будешь делать? – подошел к нему лейтенант.

– Придется капрала в Сарагосу посылать, за полицейской ищейкой, – покачал головой Мигель. – Иначе нам его не взять. А ты?

– Поведу своих к дому полковника Эсперанса, отпрапую, – пожал плечами лейтенант. – Алькальд сказал мне, что будет у него, видно, свою предвыборную кампанию хочет обсудить. А ты как, со мной?

– Попозже, Диего, не сейчас...

Они еще немного поговорили, и лейтенант начал собирать своих людей, а Мигель, весь в пыли, спустился к реке, снял мундир, тщательно смыл пот, отряхнул пыль платком и немного отдохнул, а затем побрел вслед ушедшей далеко вперед колонне к дому семейства Эсперанса.

Он уже составил себе мысленный портрет преступника и теперь старательно перебирал деталь за деталью. Без сомнения, это был очень крепкий мужчина. Ведь оттащить труп сеньоры Долорес, пусть и довольно щуплой, на такое расстояние иной бы и не смог.

Наверняка это был типичный преступный тип, такой, какого Мигель видел на иллюстрациях в книгах этого итальянца Ломброзо, – с толстыми, выступающими далеко вперед надбровными дугами, маленькими оттопыренными ушами и дегенеративным типом лица.

Наделенный такими чертами лица преступник явно был из подонков нации, скорее всего, какой-нибудь безземельный поденщик. Он мог быть по-звериному хитер, но вряд ли был умен и предусмотрителен, что свойственно только людям из высших слоев общества.

Мигель невольно улыбнулся. Это предположение прекрасно согласовывалось с его версией о причинах, побудивших мерзавца разорвать платье сеньоры Долорес там, под каштаном. Стремившийся поскорее насытить свою животную похоть, этот негодяй просто забыл взять с собой веревки и, изготавливая волокуши, использовал платье сеньоры, чтобы привязать ее тело к жердям!

Он прикусил губу и закивал. Конечно же! Человек благородного происхождения использовал бы лошадь. Да и любой сколько-нибудь развитый и предусмотрительный горожанин воспользовался бы хотя бы тачкой, наподобие садовых или строительных. Этот же предпочел смастерить волокуши, словно какой-нибудь не знающий колеса дикарь.

Мигель прибавил ходу. Расположенная в трех милях от маленького провинциального городка усадьба сеньора Эсперанса показалась вдали, и он уже совершенно точно знал, что следует сделать: со всей строгостью допросить прислугу и членов семьи и узнать – нет ли у кого среди знакомых физически крепкого мужчины? Нет, Мигель не надеялся на быстрый успех, но то, что преступник часто бывает знаком со своей жертвой задолго до преступления, усвоил твердо. Особенно в таком виде преступления.

Начальник полиции пошел еще быстрее, буквально взлетел по ступенькам к центральным воротам усадьбы и остановился. Капрал Альварес почему-то стоял с этой стороны ворот.

– Ты что здесь делаешь?! Почему не в доме?!

– Сеньор алькальд выгнал, господин лейтенант, – опустил голову капрал.

Мигель оторопел.

– Как он может тебя выгнать? Ты же на королевской службе! И тебя послал я – начальник городской полиции!

Капрал скорбно молчал, и Мигель с решительным видом бросился к калитке. Быстро миновал две роскошные клумбы с розами, взлетел к террасе и замер. Сеньор Рохо и сеньор Эсперанса стояли на террасе и тихо, но напряженно разговаривали.

Мигель на секунду скорбно наклонил голову в сторону вдовца и тут же переключился на алькальда.

– Сеньор Рохо!

Алькальд повернулся к нему всем туловищем, дернул губой и показал пальцем в сторону ворот.

– Что это значит? – ошетинился Мигель.

– Ты знаешь, что ждет начальника полиции, который, вместо того чтобы ловить преступников, распространяет лживые слухи? – зловеще поинтересовался алькальд.

– Какие слухи?

– А как еще назвать эти выдумки о... – алькальд повернулся к сеньору Эсперанса. – Вы уж извините меня, Хуан...

Старик с достоинством кивнул, отвернулся и, делая вид, что решил заняться домашними делами, отошел в сторону.

– А такие... – перешел на шепот алькальд. – Что это за байки о... о... о тех, кто любит мертвых как... как женщину? Что ты этим хотел сказать?

– Только то, что сказал, – нахмурился Мигель.

Алькальд побагровел.

– Значит, ты считаешь, что кто-то посмел... – он задохнулся. – Посмел оскорбить... женскую честь покойной сеньоры Долорес Эсперанса? Я тебя правильно понял?

Мигель достал платок и вытер мгновенно взмокшее лицо.

– Он уже это сделал, сеньор Рохо, – с трудом проговорил он. – Возможно, неоднократно.

Алькальд испуганно, так, словно их могли услышать, огляделся по сторонам.

– Ты хоть понимаешь, что ты сказал?! – свистящим шепотом произнес он и закрыл глаза, но уже через секунду взревел: – Все! С меня хватит! Я отстраняю тебя от этого дела! Уходи!

– Вы не можете, – побледнел Мигель.

– А вот завтра и посмотрим, что я могу, а что нет, – мрачно пообещал алькальд. – Вон отсюда, щенок.

Мигель густо покраснел, но все-таки сумел удержаться от публичных пререканий с этим местечковым сатрапом, повернулся и сбежал вниз по ступенькам к воротам. Схватил капрала Альвареса за ворот и притянул к себе.

– Быстро в Сарагосу! Обратишься в главное полицейское управление к капитану Мартинесу, скажешь... хотя нет! Подожди... просто передашь мою записку.

* * *

Старый солдат короля сеньор Хуан Диего Эсперанса пережил удар очень тяжело, но соболезнований не принял и оценил ситуацию так верно, что алькальд едва не подавился.

– Это направлено не против меня и моей семьи, – взяв себя в руки, произнес он. – Удар нанесли вам, Рауль.

Намек был прозрачен. До выборов три дня, и берегись, Рауль, если ты не успеешь!

Алькальд вспомнил молодого начальника полиции и тяжело вздохнул. Этот юный выскочка просто не понимает, что дело вовсе не в дохлой старухе! Он и понятия не имеет, сколь взрывоопасны сейчас настроения арендаторов и батраков. Этот сопляк не понимает, как важно для власти, чтобы старый полковник Эсперанса сохранил в этой ситуации лицо. Потому что, если можно безнаказанно оскорбить Эсперанса, значит, можно вообще все!

Конечно, никто лучше прежнего, царствие ему небесное, начальника городской полиции алькальду помочь бы не смог, но увы, – сеньор Рохо сокрушенно вздохнул, – что есть, то есть. И хотя устранить этого юнца было не так уж и сложно, планы алькальда могло осложнить то, что за этого юного выскочку поручился начальник следственного отдела криминальной полиции Сарагосы капитан Мартинес. И выход в такой ситуации был один: обращаться к своим людям все в той же Сарагосе. На крайний случай списать неудачу всегда можно, а главное, уже есть на кого, – этот недоносок сам подставился!

«Надо же такое придумать: использовать труп как женщину!»

* * *

Себастьян спал недолго, часа два. А потом солнце стало жарить так сильно, что из дощатого настила над его головой стала капать раскаленная сосновая смола.

Он ждал. Огромные зеленые мухи практически целиком облепили маленькое тело сеньоры Долорес, и стоило ему пошевелиться, как вся эта зеленая масса вздымалась и с жужжанием опадала снова.

Чтобы хоть как-то занять себя, Себастьян стал думать о боге, о падре Франсиско и о том, где и как может расти райский сад со странным названием Эдем. Но чем выше поднималось солнце и чем интенсивнее начинала капать смола, тем все более странным становились воображаемые им картинки, а бог и вовсе почему-то все больше напоминал конюха Энрике с большими ласковыми руками падре Франсиско, а божий Эдем – знакомый до последнего дерева огромный господский сад. А потом наступило самое жуткое, самое жаркое послеполуденное время, и, когда он уже стал думать, что скоро умрет, жара пошла на убыль.

Себастьян не сразу понял, что спасен, и сначала просто отметил, что впервые с самого утра некоторое время не становилось хуже. А потом внезапно осознал, что смола стала капать намного реже, и только тогда увидел, что солнце уже повернуло и теперь освещает пространство под мостом с противоположной стороны. А когда прошло еще столько времени, сколько надо, чтобы постричь половину кустов центральной аллеи, раскаленное светило коснулось горы Хоробадо, немного постояло на самом ее краю и рухнуло вниз, в ад.

Себастьян осторожно спрыгнул с балки и, разминая ноги, прошелся по кругу. Затем подошел к балке, на которой лежала сеньора Долорес, и взялся за подсохшие за день концы жердей. Немного постоял и рывком потянул волокуши на себя.

Она все-таки упала. Что-то зловеще хрустнуло, и, когда Себастьян выбрался из-под волокуш и осмотрел свой груз, оказалось, что одна жердь треснула пополам, а несколько шелковых веревок лопнули, и теперь ничем не поддерживаемое тело сеньоры свободно касается земли.

Себастьян оглянулся по сторонам. Вырубить новую жердь было не из чего, да и нечем. И тогда он глубоко вздохнул, отвязал сеньору Долорес от жердей, зашвырнул их в реку, остатками уцелевших веревок притянул ее тело к корсету, снова влез в корсет и потащил ее, крепко привязанную, уже на спине.

* * *

Уже вторую ночь подряд в доме Эсперанса не спали. Жуткое известие о краже тела сеньоры Долорес ударило в самое больное место.

Мгновенно стихли ожесточенные споры о дальнейшей судьбе Тересы, как-то сама собой отпала необходимость обсуждать службу старшего сына и проступки младшего. На фоне свалившегося на семью горя и позора все словно утратило смысл.

Только спустя долгие шесть или семь часов члены семьи снова собрались на террасе, но обсуждать происшедшее было невероятно трудно, да и просто стыдно.

Что-то слащаво-утешительное выдала заплаканная Тереса, но ни у кого более не было ни единой правдоподобной версии о причинах похищения, а младшего Сесила, пытавшегося рассказать нечто невразумительное из прочитанных им новомодных, практически непристойных книжек некоего доктора Фрейда, быстро заткнули.

– Эти немцы давно прогнили, – подвел черту старик. – Где у них настоящие мужчины? Потому и пишут, что ничего больше не могут... А эти... – старик скрипнул зубами, – кто бы они ни были, мне еще заплатят. Кровью.

На этом дискуссия и закончилась.

* * *

Тем временем Себастьян уже почти приблизился к своей цели. Глубоко протоптанной козьей тропой он почти без остановок протащил сеньору Долорес через единственный открытый участок пути, а за полночь, уже на пределе, согнувшись крючком и надрывно всхлипывая, доплелся до живой изгороди усадьбы семьи Эсперанса.

Как мог внимательно, он оглядел подходы к дому, некоторое время прислушивался, не слышно ли где хохота уединившихся в саду слуг, а потом решительно пересек последний рубеж. Из последних сил протащил волочившую ноги по земле сеньору Долорес в самый центр огромного сада и сбросил корсет вместе с грузом возле кучи навоза и бочки с приготовленным против тли настоем табачных листьев. Сел рядом, некоторое время приходил в себя, затем с трудом встал на четвереньки, поднялся на ноги и побрел к маленькому дощатому сараю возле своего дома. Достал свою отточенную, как бритва, лопату

с коротким, как раз по руке, черенком и, шатаясь от усталости, вернулся назад.

Прошел уже почти год с тех пор, как старая сеньора Долорес Эсперанса, единственная из всех женщин этого огромного дома, преодолела естественную брезгливость к низшему сословию и отважилась коснуться Себастьяна.

Она просто погладила его по голове – ничего более, но все его существо пронизало такое острое и такое сильное чувство, словно он увидел бога.

Вслед за тем весь год она милостиво разрешала Себастьяну время от времени сидеть у своих колен и подавать ей забытый на столике веер или книгу. И каждый раз это заставляло его буквально захлебываться от восторга.

Прошло не более шести месяцев с того дня, когда охваченная непонятным приступом печали сеньора Долорес высказала пожелание лежать именно здесь, в ее любимом саду, среди живых роз, а не в мрачном склепе среди нелюбимых ею родственников мужа.

И он это запомнил.

В тот день, когда она умерла, Себастьян уже знал, где похоронит ее, – в самом центре огромной, идеально круглой клумбы дамасских роз.

Он сам разбивал эту клумбу прошлой осенью. Отмерил привязанной к забитому в центре колышку веревкой идеальный круг шести шагов в поперечнике и аккуратно, точно по веревке, ровными концентрическими кругами засадил его бордовыми розами. Затем пустил в разные стороны стреловидные лучи из алых цветов и заполнил свободное пространство светло-розовыми. И только в самом центре еще оставалось пустое круглое пятнышко – для белых. Осенью у поставщика не оказалось нужного числа укоренившихся черенков, но их должны были подвезти этой весной.

И теперь, преодолевая навалившуюся смертельную усталость, Себастьян вошел в самый центр клумбы, на единственное свободное от цветов место, и как заведенный копал землю и уходил все глубже и глубже, обустроивая новое, настоящее, а главное, желанное посмертное ложе для сеньоры Долорес Эсперанса.

Он ушел вглубь на метр, уперся в смесь камня и глины, сходил за киркой, а потом и за ломом, и прошел еще полметра. Затем еще четверть, и к утру, когда небо на востоке начало отдавать сиреневым цветом, понял, что пора остановиться.

Могила была уже достаточной глубины, примерно полтора его роста, и только одно было не совсем правильно: она оказалась слишком узкой – только чтобы сесть.

Себастьян посмотрел на смиренно лежащую возле кучи навоза и бочек с настоем табака сеньору Долорес, потом в яму и снова на сеньору и решил, что сидя ей будет даже удобнее.

На подгибающихся ногах он подошел к сеньоре, упал рядом на колени и прижал ее седую маленькую головку к своей груди. Он знал, что пройдет совсем немного времени, и она станет похожей на зимний цветок – черный, со слипшимися, дурно пахнущими лепестками и ломким безжизненным стеблем. Но цветы, которые прорастут из ее закрытых глаз и впалых щек, всегда будут напоминать ему о ней настоящей – теплой и живой.

Себастьян поднялся, ухватил ее тело ослабевшими руками, закинул себе на спину и медленно, стараясь не наступать на молодые розовые кусты, поднес к могиле. Бережно спустил вниз, усадил поудобнее, сложил ее руки на коленях, прикрыл голову корсетом и удовлетворенно вздохнул. Это было то, что надо. Мальчик взял свою лопату и начал аккуратно присыпать могилу, сначала камнями и глиной, а затем и плодородным грунтом. А когда солнце вышло из-за гор, он торопливо разбросал оказавшуюся лишней землю, подобрал с земли оставшуюся от сеньоры Долорес сплетенную из черного шелкового платья косичку и сунул ее за пазуху. Теперь только легкий, размазанный по центру клумбы бугорок напоминал ему о покойной сеньоре.

Мальчик прошел к сараю, преодолевая мгновенно навалившуюся сонливость, аккуратно очистил инструменты от налипшей земли, вернул их в точности на то же место, полез по веткам старого дуба вверх и ступил на крышу своего дома на самом краю огромного сада. Теперь он хотел только одного – спать.

* * *

Рано утром 10 апреля 1931 года капрал Альварес вернулся из Сарагосы вместе с капралом Гомесом и специально обученной полицейской собакой-ищейкой.

В это же время алькальд доложили, что заказанная им вчера точная копия мраморной крышки для гробницы покойной сеньоры Долорес не только доставлена к храму, но уже и выгружена возле семейного склепа Эсперанса. А спустя еще полчаса алькальд встретил прибывшего из Сарагосы капитана Фернандеса и торопливо вскрыл переданный с ним пакет. Здесь было все, что надо: и заверения в старой дружбе, и обещания всяческой поддержки.

Теперь лейтенанта Санчеса можно было с легкой душой отстранять от ведения дела. Но в восемь утра, когда алькальд вместе со специально прибывшим для проведения непредвзятого следствия капитаном подъехал к полицейскому участку, Мигеля на месте не оказалось.

Алькальд расспросил дежурного капрала и выяснил, что опоздал всего-то на полчаса, и к этому времени начальник полиции вместе с капралами и собакой-ищейкой уже наверняка добрался до храмовой территории. Сеньор Рохо грязно выругался и почти бегом кинулся назад, к автомобилю. Еще не поздно было вернуть этого сопляка назад и сделать все единственно правильным образом.

* * *

В то же самое время, когда сеньор Рохо мчался на своей машине с умопомрачительной скоростью семьдесят пять миль в час в надежде остановить начальника полиции, в усадьбу семьи Эсперанса привезли цветы.

Себастьян увидел заезжающую на территорию усадьбы подводу прямо с крыши своего дома. Он тут же спустился, подбежал к телеге, приподнял полотняный полог и счастливо улыбнулся. Здесь были черенки белой розы, чуть более взрослые, чем надо, но с превосходной корневой системой. Сеньор Эсперанса заказал их задолго до похорон, и они поступили, пусть и с опозданием в две недели, но удивительно ко времени.

Мальчик тут же кинулся в дом и принялся будить приехавшего этой ночью отца – черенки следовало пересчитать. Тот поднялся не сразу, но сообразил, в чем дело, и спешно отправился с сыном разгружать подводу. А когда пришло

время посадки, винный спирт взял свое, и надегустировавшийся до отвала отец присел у дерева, затем упал и заснул прямо на земле. Себастьян попытался его разбудить, но отец лишь невнятно мычал, и тогда он укрыл его сверху своей рубахой и примирился с тем, что все придется делать самому.

Он не умел читать, а потому надписи карандашом на привязанных к пучкам колючих стеблей деревянных бирках для него ничего не значили, но он знал эти цветы и по цвету, и по фактуре верхнего среза, и по запаху, и по типу хорошо развитых корешков, и уж тем более по колючкам.

Себастьян по-хозяйски обошел огромную, ставшую вечным приютом для сеньоры Долорес клумбу, затем подкатил бочку с водой поближе и начал засаживать последний свободный пяточок земли прямо над головой сеньоры Долорес. Делал очередное углубление в рыхлой желтоватой земле, вытаскивал из охапки очередной росток, прикапывал, обильно поливал из ведра и спрыскивал табачным настоем против насекомых.

Временами Себастьян засыпал прямо посреди клумбы, и тогда ему грезилось, что он сидит возле ног еще живой сеньоры Долорес, и еще ему вдруг начинало казаться, что эти сладкие грезы – единственное, что принадлежит ему по-настоящему, навсегда. Но затем он тыкался головой в землю, просыпался, бежал к ближайшей бочке с водой, плескал из ковша на лицо и снова принимался за работу – он должен был посадить все, пока солнце не стало жарить во всю его мощь.

* * *

Собака шла по следу яростно и точно. Она беспощадно протащила капрала Гомеса сквозь колючие заросли шиповника у церковной ограды, стремительно пронеслась к старому каштану, лишь на секунду задержалась у корней и рванула так, что менее чем через три часа оба капрала и начальник местной полиции, взмыленные, как лошади на пашне, были под мостом.

Здесь она сделала стойку на старые балки, а затем обогнула опору, вытащила капрала на мост и, пробежав около сотни метров, свернула на козью тропу. А еще через два часа она уже прорывалась сквозь живую изгородь усадьбы Эсперанса.

И вот здесь начались проблемы. Поначалу ищейка довольно уверенно показала на конюшню, но затем засомневалась и, крутанувшись несколько раз вокруг себя, потащила капрала в сад. Возле огромной идеально круглой клумбы собака ткнулась носом в бочку с зеленоватой жидкостью, несколько раз чихнула, с виноватым выражением умных глаз отбежала прочь и, нервно перебирая передними лапами, обнюхала клумбу на расстоянии. Поймала нужный запах и рванула прямо по цветам. Повалила на землю сидящего в центре клумбы насмерть перепуганного мальчишку, но тут же бросила его, принялась к земле, снова чихнула, подбежала к лежащему под апельсиновым деревом нетрезвому батраку и забралась носом под рубаху, которой тот был укрыт. Она явно разрывалась и никак не могла выбрать, где запах похищенной покойницы слышится сильнее.

– Ну, с кого начнем? – счастливо улыбнувшись, обратился к капралу Гомесу начальник полиции.

– Вам виднее, господин лейтенант, – пожал плечами капрал. – Но я так думаю, мальчишка и пьяный никуда не денутся, а вот конюшню надо бы проверить сразу.

Мигель кивнул и все-таки начал по порядку. Присел напротив мальчугана, попытался вызвать его на разговор, но результат его разочаровал. Перед ним стоял мало того что грязный и недокормленный, так еще и уродливый, явно умственно недоразвитый мальчишка, категорически не желавший с ним разговаривать. Хотя, признал начальник полиции, будь этот мальчишка лет на десять старше и килограммов на пятьдесят тяжелее, под выстроенный лейтенантом мысленный портрет он подошел бы идеально. Да и собака рвалась с поводка, явно указывая на причастность мальчика к предмету поиска.

Мигель немного подумал и перешел к пьяному. Попробовал его разбудить и брезгливо поморщился. Судя по запаху, этот бугай пил далеко не первый день. И тогда он оставил возле пьяного и мальчишки капрала Альвареса, а сам вместе с Гомесом и собакой вернулся на развилку дорожек, чтобы сходить и осмотреть конюшню. И вот тут собака его удивила.

Она рванула поводок и так уверенно и мощно потащила капрала в сторону господского дома, что Альварес едва удержался на ногах. Задышавшись и хрипя от передавившего горло ошейника, ищейка затащила полицейских в конюшню, метнулась к устланному соломой настилу и сунула длинную умную морду прямо

под него. Мигель возбужденно попросил Гомеса придержать пса и повернулся к оторопело собравшимся возле ворот мужчинам.

– Там есть чьи-нибудь вещи? – громко и отчетливо спросил он. – Предупреждаю, лучше их забрать отсюда сразу, а то этот пес вечно что-нибудь сгрызает.

– Мои... – отделился от толпы высокий статный парень, чем-то похожий на иконописного Христа.

– Значит, забирай быстрее и уходи! – раздраженно распорядился начальник полиции.

Парень подошел, порылся в соломе, приподнял и сдвинул в сторону тяжело заскрипевшую доску пола и вытащил из тайника небольшой сундучок.

– Это твое? – поинтересовался Мигель.

– Да... – побледнел внезапно понявший, как ловко его надули, парень.

– Открывай.

Парень попятился, но ищейка мгновенно рванула к нему, отрезая малейшую возможность к бегству.

– Открывай! – уже с угрозой повторил Мигель.

Парень побледнел еще сильнее, стал рыться в карманах, вытащил маленький ключик, долго не попадал в скважину, затем все-таки попал, повернул и не удержал внезапно открывшийся сундучок в задрожавших руках.

Мигель подошел и перевернул упавший на солому сундучок носком сапога. Рядом с колодой потрепанных карт, старым кожаным кошельком и новенькой Библией матово сияло порванное жемчужное ожерелье, бывшее в день похорон на покойной сеньоре Долорес Эсперанса.

Мигель нервно улыбнулся и сунул руку в карман. Вытащил жемчужину, которую отыскал вчера на склоне, и бросил ее рядом. Жемчужины были похожи, как

сестры-близнецы.

* * *

Для официального опознания ожерелья лейтенант Санчес пригласил сеньора Хуана Диего Эсперанса, но тут же пожалел, что не догадался позвать кого-нибудь помоложе. Старик опустился на колени прямо в солому, поднял ожерелье и прижал его к дрожащим губам.

– Да, это ее... – хрипло произнес он и с трудом удержался от того, чтобы не заплакать. – Могу я его забрать?

– Не сейчас, – преодолевая острое желание сказать «да», покачал головой Мигель. – Но сразу после суда – пожалуйста.

Молодому конюху немедленно связали руки найденным здесь же ремнем и под неусыпным наблюдением ищейки повели через всю усадьбу вниз, к ведущей в город дороге. Мигель проводил главного подозреваемого долгим взглядом, удовлетворенно вздохнул и вернулся к огромной, почти целиком засаженной розами клумбе.

Он верил чутью собаки, так точно приведшей его к основной улике. Кроме того, он знал, что преступники все чаще используют в качестве подручных детей. Нанять их можно за сущий пустяк вроде конфет, подозрений они вызывают меньше, могут болтаться где угодно и при этом вполне в состоянии оповестить об опасности главаря шайки каким-нибудь знаком. Даже этот недоразвитый мальчуган вполне мог, например, дунуть в свисток. А ведь ищейка показала еще и на этого мрачного нетрезвого типа...

В общем, тут было над чем поразмыслить.

* * *

На этот раз отец его почему-то не бил, но Себастьян не верил в счастливое избавление и поэтому сразу же после ухода полицейского схватил инструмент и принялся доделывать начатое.

Около получаса он не разгибал спины, хватая последние замотанные в мокрую мешковину черенки, стремительно высаживая их в горячую землю и обильно поливая теплой водой из бочек, лишь изредка поднимаясь и кидая косые взгляды в сторону конюшни. А потом снова пришел полицейский.

Он подошел прямо к нему и присел на корточки напротив.

– Где ты был позапрошлой ночью?

Себастьян молчал.

– Бесполезно, господин лейтенант, – подал голос несколько протрезвевший отец. – Это мой сын. Он у меня немой.

– Совсем?

– Как полено, – мрачно отозвался отец. – С самого рождения слова не сказал. Только кивать и умеет.

Полицейский недоверчиво покачал головой и уставился в глаза Себастьяна внимательным неморгающим взглядом.

– Ты знаешь, что такое конфеты? – спросил он.

Себастьян немного подумал и кивнул. Конечно, он видел конфеты на господском столе, там, на террасе, а прошлой весной сеньора Долорес даже дала ему одну. Она пахла очень и очень сладко, но не так, как цветы, и Себастьян и поныне хранил ее в жестяной коробочке из-под чая, не отваживаясь съесть и лишь изредка доставая и нюхая.

– Тебе давали конфеты недавно? – заинтересованно наклонил голову полицейский. – Вчера, позавчера...

Себастьян отрицательно замотал головой.

– А что тебе давали в последнее время взрослые? Можешь показать?

Себастьян Хосе понимающе кивнул и побежал в дом, достал свою коробочку и вскоре бегом вернулся и протянул полицейскому единственное, что осталось ему от сеньоры Долорес. Тот осторожно развернул грязную полотняную салфетку и хмыкнул. На его ладони лежала маленькая, карманного формата, совсем новая Библия.

– Это по завещанию сеньоры Долорес, – опустил рядом на корточки отец. – Всей прислуге дали. И мне, и ему...

– А больше тебе ничего не давали? – озадаченно вернул ему Библию полицейский.

Себастьян отрицательно замотал головой.

– А в дом ты без разрешения господ входил?

Он снова мотнул головой.

– И ничего оттуда в последние два дня не выносил?

Себастьян снова замотал головой. Он не понимал, зачем ему задают эти вопросы, но был совершенно искренен; он и впрямь давно уже не заходил в дом, а ключ от склепа взял на лавочке в саду, где его оставил после похорон старый сеньор Эсперанса.

– Что вы его донимаете, господин лейтенант? – снова подал голос отец. – Мой парень, может, и урод, но только он не из тех, кто у господ ворует.

– А ты сам-то где вчера был? – с угрозой в голосе спросил полицейский.

– В деревню к друзьям ездил, – спокойно пожал плечами отец. – Посидели... выпили... все как всегда.

Между ними на секунду вспыхнула какая-то борьба глазами – Себастьян отчетливо видел это.

– Если понадобится, я пришлю за вами посыльного, – глядя прямо в глаза отцу, произнес полицейский. – И без моего разрешения за порог усадьбы ни ногой. Ни тебе, ни ему. Это понятно?

– Как скажете, сеньор, – язвительно усмехнулся отец. – Я с полицией не спорю.

Полицейский разочарованно вздохнул, встал с корточек и направился прочь, а Себастьян уткнулся в клумбу и не рисковал даже поднять головы.

– Смотри, – сунул ему в лицо крепкий коричневый кулак отец. – Видишь? Если хоть раз еще к тебе полиция придет... будешь иметь дело со мной.

Себастьян кивнул и еще ниже пригнулся к земле.

* * *

Главного и, пожалуй, единственного настоящего подозреваемого – конюха семьи Эсперанса двадцатичетырехлетнего Энрике Гонсалеса – допрашивали шесть часов подряд, и запоздало примчавшийся вместе с капитаном Фернандесом алькальд ничего с этим поделать не мог. Главная улика – ожерелье – была налицо.

Разумеется, конюх заперся. Он плакал, испуганно хватал полицейских за рукава и даже встал на колени... а затем тут же, на ходу принялся сочинять байку о том, как, возвращаясь от своей подружки через сад, обнаружил возле новой клумбы порванное, но вполне еще приличное ожерелье и сунул его в карман в надежде нанизать его на новую шелковую нитку и немедленно, тем же вечером подарить подружке.

Конечно же, он врал. Это было ясно и начальнику полиции, и алькальду. Вся его смазливая перепуганная рожа, лишь внешне смахивающая на лик иконописного Христа, была настолько пронизана пороком и привычкой ко лжи, что никто бы ему не поверил, даже если бы все логически и сходилось. Но у Энрике Гонсалеса не сходилось многое.

Во-первых, несмотря на слезы и мольбы, он решительно отказался назвать имя подружки, которая, будь она реальным лицом, безусловно, могла бы

подтвердить его алиби. А во-вторых, приглядевшись к Энрике хорошенько, Мигель достаточно быстро обнаружил на этом лице явные признаки описанной великим Ломброзо врожденной склонности к преступлению. Этот капризный порочный рот, эта жиденькая, под Христа, борода, густо краснеющие уши – все говорило само за себя.

Единственное, что никак не укладывалось в схему начальника городской полиции, так это очевидное слабодушие Энрике. Да, он был неплохо сложен, но в течение одной ночи протащить мертвое и в силу этого более тяжелое тело от храма до моста, а то и далее... нет, для этого требовалось воистину адское упорство. Но часы шли, и лейтенант Санчес, снова и снова требуя признания и угрожая Гонсалесу всеми карами земными, снова и снова приходил к мысли, что, если не принимать во внимание трудов Ломброзо, фактов, прямо уличающих Энрике Гонсалеса, остается немного.

Можно сказать, вообще не остается.

Да, он подобрал это чертово ожерелье! А кто бы из дворни не подобрал? А главное, Мигель пока не видел для Гонсалеса мотива красть тело. Но только вечером, когда, устав от безрезультатного допроса, лейтенант вместе с таким же усталым и потным алькальдом и ожидающим машины из Сарагосы капитаном Фернандесом отправился в свой кабинет пить кофе, он полностью сформулировал все свои «но».

Разговор спровоцировал алькальд. Некоторое время сеньор Рохо молча потягивал кофе, а потом все-таки решился.

– Я должен принести вам свои извинения, – с трудом выдавил алькальд. – Вы, безусловно, превосходный полицейский...

Мигель пожал плечами и решил быть честным до конца.

– Я уже так не думаю, сеньор Рохо.

– И почему? – насторожился алькальд.

– Мы не нашли тела.

Алькальд помрачнел:

– Думаете, он не скажет, где оно?

– Я думаю, он даже этого не знает, – печально вздохнул начальник полиции.

Теперь, когда первый восторг прошел, он воспринимал действительность четко, ясно и такой, какая она есть.

– Более того, – продолжил он, – теперь я все лучше понимаю ваши опасения предвыборного политического скандала и все больше склоняюсь к мысли о заговоре.

Алькальд оторопел. Этот молокосос оказался не так уж и глуп!

– И... у вас есть доказательства?

– Доказательств нет, есть факты, – прошелся по комнате Мигель. – Судите сами. Ключ от склепа похищен из апартаментов сеньора Эсперанса. Так?

– Ну...

– Может ли простой конюх иметь туда доступ? Сомневаюсь. Значит, были помощники. И не один. Почему, например, собака показала на мальчика? Уж не потому ли, что он маленький и вполне мог пробраться в дом через слуховое окно на крыше и взять этот ключ?

Алькальд потрясенно слушал.

– Идем дальше, – прикусил губу Мигель. – Труп определенно тащил один человек, но это явно не был Энрике Гонсалес – слишком уж он слабохарактерный. А что, если у него был сообщник... покрепче духом? Например, этот пьяный садовник? И почему следы оборвались на мосту?

– А они там оборвались? – нахмурился алькальд.

– Полностью! На козьей тропе мы уже никаких борозд просто не нашли! Собака след показывает, а борозд от волокуши нет! Спрашивается, а было ли там тело?

Алькальд напрягся.

– И не увезли ли тело прямо с моста? На лошади, на автомобиле, да на чем угодно! И все просто: Энрике получает в награду за наводку ожерелье, садовник – за то, что тащил тело, бесплатную выпивку, а мальчик – за то, что достал ключ, что-нибудь попроще, типа конфет. Ну а главарь всей шайки вместе с телом скрывается!

– И что вы предлагаете? – мгновенно охрипшим голосом спросил алькальд.

– А что я могу предложить? – горько улыбнулся Мигель. – Мальчик немой и явно умственно недоразвитый, на садовника у нас ничего нет, и если Энрике не заговорит... сами понимаете, дело дрянь.

Алькальд вздохнул. Кто-кто, а он это понял уже давно, еще вчера утром.

– Значит ли это, что вы не гарантируете мне возврат тела в гробницу к завтрашнему полудню?

– Вы что, сеньор Рохо? – усмехнулся Мигель. – Какое там завтра? На такое дело не меньше двух недель понадобится, да и то без гарантий...

Алькальд болезненно поморщился:

– Ну, что ж, Мигель, значит, я поступил правильно...

Начальник полиции насторожился:

– Что вы имеете в виду?

Алькальд неторопливо достал из кармана жилетки большие швейцарские часы и отщелкнул крышку.

– Не торопитесь, Мигель, не торопитесь... у вас еще есть время, так что не теряйте его.

* * *

Мигель так и не понял, что имеет в виду алькальд, но времени действительно терять не мог, а потому оставил сеньора Рохо в своем кабинете, а сам энергично двинулся по коридору – на допрос.

– Господин лейтенант, – внезапно окликнул его капрал Альварес и смущенно потер свой огромный кулак. – А может, это... по морде ему?

– Думаешь, поможет? – на ходу бросил Мигель.

– Иногда помогает, – пожал плечами капрал и пошел следом. – Смотря какой человек... Иному и трех раз хватает, а кого и две-три недели приходится мутузить...

Мигель улыбнулся и приостановился. Он видел, что капрал искренне хочет помочь своему неопытному начальнику.

– А если этот Гонсалес оговаривать себя начнет? И настоящий преступник так и не будет найден?

Капрал многозначительно повел бровями в сторону начальственного кабинета, где в полном одиночестве сидел и размышлял о судьбах Испании алькальд.

– Если вы не найдете ему тела сеньоры Долорес к завтрашнему полудню, господин лейтенант... смело подавайте в отставку и ждите преемника.

– Да неужели? – язвительно рассмеялся Мигель.

– Я вам точно говорю, – поджал губы капрал. – Я бы вам этого не говорил, господин лейтенант, но вы мне нравитесь. И я не хочу, чтобы вас меняли.

Это было сказано с таким чувством, что Мигель понял: надо как-то отшутиться. Но тут в гулком пустом коридоре послышался металлический лязг входной двери и грохот сапог, он вдруг вспомнил эту странную фразу алькальда о том, что у него еще есть время, и встревоженно направился к выходу, но уже на полпути, как раз на повороте, ошарашенно остановился.

Перед ним стояли два полицейских офицера: прибывший «помочь» следствию и только что пивший вместе с Мигелем кофе капитан Фернандес и второй – рослый, с военной выправкой, тоже в капитанском чине. Мигель пригляделся: этого второго он уже видел в Сарагосе, в кабинете начальника криминальной полиции.

– Лейтенант Санчес? – наклонив голову, щелкнул каблуками второй.

– Да, это я, – шагнул вперед начальник полиции.

– Капитан Сантало, управление криминальной полиции, – представился «гость» и протянул Мигелю большой синий конверт: – Вот постановление прокуратуры города Сарагосы. Ознакомьтесь.

Мигель вскрыл конверт, вытащил постановление, поднес его к желтому свету электрической лампы и обомлел. В бумаге недвусмысленно предписывалось, в связи с объединением уголовных дел, подозреваемого Энрике Гонсалеса, 1905 года рождения, конюха господ Эсперанса, немедленно препроводить в распоряжение управления криминальной полиции города Сарагосы.

– Пойдите, господа, – непонимающе тряхнул головой Мигель, – а при чем здесь управление Сарагосы? Это же мое дело...

– Вы хорошо прочитали постановление, лейтенант? – с трудом удержался от улыбки рослый капитан. – Дело о похищении трупа сеньоры Долорес Эсперанса объединено с делом, которое ведет наше управление, а потому вы обязаны передать все улики и всех подозреваемых нам как вышестоящей структуре королевской криминальной полиции.

– Но Энрике Гонсалес уже дает показания... – растерялся Мигель. – И я намерен довести дело...

- Можете подать рапорт, – бесцеремонно оборвали его на полуслове.
- Обязательно, – вспыхнул Мигель. – Извольте подождать четверть часа.

* * *

Мигель ушел в свой кабинет и принялся писать рапорт, но все никак не мог прийти в себя. Ему было совершенно ясно, что именно алькальд и подключил свои знакомства в Сарагосе, чтобы отнять у него подозреваемого, и теперь судьба Энрике Гонсалеса зависит скорее от политических нужд сеньора Рохо, чем от истины. Но что они собирались вменить Гонсалесу, а главное, как алькальд собирается поступить с пропавшим, да так и не найденным телом, он не понимал.

Он быстро, по всем правилам составил рапорт, запечатал его в большой конверт из толстой коричневой бумаги; во второй такой же конверт в присутствии обоих капитанов и капрала Альвареса вложил ожерелье из крупных белых жемчужин и найденные в кустах шиповника обрывки черного шелкового платья покойной и передал оба конверта Сантало.

- Держите, господин капитан.

Потом достал новый листок бумаги, прикусив губу, быстро составил акт на передачу арестанта, и через десять минут ничего не понимающего конюха посадили на заднее сиденье специально прибывшего за ним из Сарагосы «Мерседеса».

- Куда меня, господин лейтенант? – тревожно вертел головой Гонсалес.

- Сказал бы, у кого был минувшей ночью, никуда не поехал бы, – не выдержал Мигель.

- И что со мной сделают? – испугался конюх.

- Это суд решит, Гонсалес, – вздохнул Мигель. – Теперь только суд.

* * *

Он с трудом дождался утра и в шесть тридцать позвонил-таки в Сарагосу своему наставнику капитану Мартинесу. Вкратце изложил суть дела, но вместо ожидаемого совета услышал только напряженное сопение.

– Знаешь, Мигель... – наконец-то прервал тишину капитан Мартинес. – Ситуация и впрямь непростая, и мой тебе совет: не суйся в это дело.

– Но вы же понимаете... – начал Мигель.

– Так, хватит! – внезапно разъярился Мартинес. – Тебе постановление прокуратуры показали?

– Показали...

– Дело и подозреваемого ты передал?

– Да, передал...

– Все! Вопрос исчерпан! – подвел итог сказанному Мартинес. – Позвони, когда у тебя случится что-то действительно важное...

Капитан бросил трубку, и Мигель, поблагодарив телефонистку, расстроенно откинулся на спинку стула. Он чувствовал, что здесь без вмешательства высокопоставленных друзей алькальда не обошлось.

А к восьми утра в участок пришла сеньора Анхелика.

Пятидесятидвухлетняя бездетная, а потому совершенно одинокая вдова потребовала разговора наедине и в кабинете начальника полиции с глазу на глаз прямо заявила, что Энрике в ту роковую ночь был с ней, и только с ней, и просила не посылать его на каторгу.

– Вы готовы дать показания в суде? – холодея от ужаса и уже предчувствуя ответ, спросил Мигель.

– Лучше умереть, – без тени сомнения твердо произнесла вдова. – Как я после этого буду людям в глаза смотреть?

– Да вы не бойтесь, сеньора Анхелика, – болезненно улыбнулся начальник полиции. – Суд состоится в Сарагосе, и никто и никогда об этих показаниях не узнает. Вам нечего опасаться...

– Ни за что, – решительно поджала губы вдова.

Некоторое время Мигель еще уговаривал ее, а затем примирился с отказом, проводил вдову до дверей, сел за стол и обхватил голову руками. Было совершенно ясно, что истинный злоумышленник выскользнул из его рук, а в Сарагосу повезли невинного.

Более того, теперь Мигель понимал, что не только роль конюха Энрике в похищении была иллюзорной; даже садовник и его сын попали под подозрение без достаточных на то оснований. И собака могла показать на них лишь потому, что они подержали в руках что-то, принадлежавшее сеньоре Долорес, – ожерелье или ту же подарочную Библию, например. И чем они там в управлении полиции думают и как собираются доказать Энрике Гонсалесу недоказуемое, было совершенно непонятно.

Мигель снова и снова начал перебирать обстоятельства дела и пришел к выводу, что непроясненными оставались всего две детали, на первый взгляд неважные, но, безусловно, значимые. То, каким образом ожерелье попало на клумбу, и назначение веток под мостом. Разве что похититель посещал усадьбу семьи Эсперанса, где и обронил ожерелье? Но тогда возникал закономерный вопрос: зачем он это делал? Ну, и эти ветки...

Мигель начал восстанавливать в памяти все, что помнил о них, как вдруг осознал, что, когда спустился под мост повторно, с собакой, веток уже не было!

Он подскочил. Учитывая то, как опасно спускаться под мост из-за осыпи, это не могло быть случайным. Улики определенно уничтожили специально!

Мигель метнулся к выходу и, ни секунды не сомневаясь в абсолютной точности собственной памяти, стремительно прошел через весь город к мосту, а через полчаса ухнул по насыпи вниз, к реке, в кровь ободрав и руки, и лицо.

«Как же он здесь спустился? Ведь ночью пришлось...»

Покряхтывая от боли, Мигель поднялся и, цепляясь за редкие кустики, с трудом поднялся по осыпи вверх, к опорам. Обошел и тщательно осмотрел все вокруг. Само собой, веток не было. Он поднял голову и вдруг увидел на одной из старых балок засохшие, еле заметные потеки. Подошел ближе и вдруг почувствовал характерный запах тления.

Внутри у начальника полиции все оборвалось. Он ухватился за балку и подтянулся на руках. Вся верхняя часть балки была буквально усеяна прилипшими к сосновой смоле клочками черного шелка и мелкими суетливыми насекомыми и воняла... Господи, как же она воняла!

– Дьявол!

Только теперь он понял смысл собачьей стойки возле этой балки, и на глаза его невольно выступили слезы обиды. Получалось так, что в тот раз, когда он забрался под мост впервые, и преступник, и тело были еще здесь – только голову поднять! И позже умная полицейская ищейка совершенно точно указала начальнику полиции на его непростительную профессиональную ошибку.

Мигель яростно крикнул и стал осторожно спускаться к реке. Тщательно осмотрел берег, затем пошел вниз по течению и буквально в тридцати шагах обнаружил то, что искал: застрявшие в завале несколько веток лещины и обе жерди с намотанными на них черными шелковыми лоскутами – одна целая, а вторая с надломом посередине.

Некоторое время молодой начальник полиции свыкался со своим положением полного дурака, потом схватился за голову и сел на прогретый солнцем прибрежный валун. Все было предельно просто. У преступника сломалась жердь, и он был вынужден отсиживаться под мостом, на одной из этих балок, а вечером продолжил путь и, скорее всего, тащил труп на себе. И, пожалуй, из всех трех слуг, на которых прямо указала ищейка, никто, кроме этого звероватого мускулистого садовника, такую титаническую работу проделать был бы не в состоянии.

Мигель вскочил, выбрался на мост и пошел в точности так, как его уже вела собака. По козьей тропе, прямо к усадьбе Эсперанса. Он еще не понимал мотива этого странного преступления, но был твердо уверен в том, что труп наверняка закопан где-нибудь на территории огромной усадьбы Эсперанса. И кому, как не садовнику, знать где. Недаром собака так четко указала на него и на донашивающего отцовские обноски его недоразвитого сыночка.

* * *

С утра и до самого обеда Себастьян поливал посаженные вчера в центре огромной круглой клумбы черенки белой розы. Несмотря на то что черенки обладали превосходно развитой корневой системой, жгучее апрельское солнце все-таки сказывалось, и часть листочков уже начала вянуть.

Чувство огромной важности того, что он делает, охватило Себастьяна, заставляя глаза слезиться, а сердце колотиться быстрее. Теперь они были вместе. Навсегда.

Любовь, которую он испытывал к этой бесконечно доброй и прекрасной женщине, была так сильна, что, будь это возможно, он не стал бы ее хоронить, а так и сидел бы у ее ног – день, два, неделю, месяц... Но теперь ее седая маленькая головка находилась в полутора метрах под землей, и он мог выразить то, что чувствует к ней, только так – ухаживая за цветами вокруг нее, за ее цветами. И всегда, касаясь лепестка розы, он будет касаться ее щеки, а поливая и подкармливая цветы, поить и кормить ее!

И они никогда не расстанутся...

Он так размечтался, что даже не заметил, как подошел отец.

– Английский газон, – коротко произнес он и показал рукой в сторону господского дома. – И чтоб ни одного камешка!

Себастьян закивал и торопливо последовал куда сказали.

Английский газон они с отцом, шаг за шагом, создавали уже два месяца. Задача была не из простых. Следовало убрать все камешки и добиться идеально

гладкой поверхности земли. Какой смысл в ровной, как стол, зеленой лужайке, ни он, ни даже его отец не понимали. То ли дело цветастая и веселая мавританская лужайка! Но такова была воля господ, и ее следовало выполнять.

Себастьян прихватил по пути корзинку для камней, быстро дошел по тропе до английского газона, встал на колени и начал рыхлить землю, выбирая из земли маленькие камешки, но тут его снова тронули за плечо.

Он вздрогнул и медленно, понимая, что снова делает что-то не так, повернулся и застыл, как замороженный.

На него смотрели живые карие глаза, как у сеньоры Долорес. На миг ему даже показалось, что это сама закопанная им покойная сеньора Долорес так быстро и внезапно проросла из земли молодым, обернутым в розовое, расшитое золотом атласное платье, побегом.

– Привет! – улыбнулась ему девочка. – Я – Долорес. Я сегодня из Мадрида приехала. А ты кто?

Себастьян молчал. Она сказала, что она – Долорес, и это было странно и удивительно.

– А-а, я поняла! – обрадовалась девочка. – Ты – сын садовника. Мне уже сказали, чтобы я к тебе не подходила!

Себастьяну вдруг захотелось потрогать ее, просто чтобы сравнить, такая ли же у нее жесткая и сухая грудь, как у покойной сеньоры Эсперанса, и такие ли же вялые и прохладные ноги...

– Сеньорита Долорес! – позвали от аллеи, и к ним подошла горничная. – Я вас везде ищу, а вы с этим... – она метнула на Себастьяна презрительный взгляд, – разговариваете... Пойдемте, вас искала сеньора.

– Я еще приду, – пообещала маленькая Долорес и улыбнулась. – Я теперь тоже буду жить здесь.

Себастьян проводил ее взглядом и поднялся с колен. Склеп, разбитая мраморная крышка, прохладный старушечий живот, волокуши, яма, цветы, эти живые карие глаза – все смешалось в его голове в одно мгновение.

– До-о-оэсссс... – процедил он вслед. – До-оэсссссс...

– Э-э... да ты, как я посмотрю, не такой уж и немой? – раздался неподалеку знакомый голос.

Себастьян обернулся, и по спине его пробежал холодок. Прямо к нему шел тот самый полицейский. Только китель его из плотного сукна и золотистые пуговицы были покрыты густым слоем пыли, а по высокому, покрытому множеством царапин лбу, оставляя на лице отчетливо видимые дорожки, скатывались капельки пота.

– Где отец?

Себастьян ткнул рукой в сторону господского дома. Сегодня была суббота – день получки, и отец, как и вся остальная прислуга, собирался идти к сеньору Эсперанса.

– Спасибо, – поблагодарил полицейский, ласково потрепал его по щеке и вдруг вздохнул. – Ты уж прости, парнишка, если что пойдет не так... как хочется, но закон есть закон.

* * *

Мигель оставил мальчишку возле газона, ополоснул лицо теплой и немного затхлой водой из бочки и энергичным шагом пошел вниз к усадьбе. Все следовало делать быстро и решительно: правильно объяснить старому полковнику ситуацию и сегодня же оформить разрешение прокуратуры на арест садовника. А то завтра мало того что воскресенье, так еще и день выборов, – никто в прокуратуре сидеть не будет.

Мигель пригнулся, пробрался под склонившимися над тропой раскидистыми ветвями лещины, а когда вышел на открытое место, сердце его радостно екнуло. Возле ворот виднелась машина алькальда.

«Вот и хорошо, что все здесь, – удовлетворенно улыбнулся начальник полиции. – Заодно скажу ему о возможном алиби этого Гонсалеса...»

Он стремительно сбежал с холма и только перед самым домом приостановился, чтобы еще раз промокнуть платком лицо. Распрямился, степенно поднялся по ступенькам на большую прохладную террасу, подошел к стоящим возле столика мужчинам и щелкнул каблуками.

– Здравия желаю, полковник! Здравствуйте, сеньор Рохо.

Сеньор Эсперанса сдержанно кивнул, а алькальд изумленно уставился на исцарапанное лицо начальника полиции и вернул себе выражение скорби и значительности с некоторым усилием.

– Очень хорошо, что вы здесь, Мигель. Все-таки вы тоже приложили руку к раскрытию этого жуткого преступления...

– Как – раскрытию? – не понял Мигель. – Кто его раскрыл?

– Ах да, вы же еще не знаете... – придал своему лицу еще более серьезное выражение алькальд. – Гонсалес-то ваш, оказывается, с социалистами связался! Хорошо еще, что вы его так вовремя арестовали. Мог ведь и сбежать...

Алькальд снова повернулся к сеньору Эсперанса и принялся говорить, а Мигеля вдруг пронзило жуткое чувство мерзости и необратимости происходящего, ибо то, что он услышал, не лезло ни в какие ворота.

Все с тем же выражением скорби и значительности на бледном одутловатом лице алькальд сообщил, что состоявшийся сегодня утром в Сарагосе суд убедительно доказал причастность Энрике Гонсалеса к деятельности левой террористической группировки. Причем из материалов следствия было ясно, что тело покойной сеньоры Эсперанса было похищено этими безбожниками в целях политического шантажа виднейшего политического деятеля провинции, преданного солдата монархии полковника Хуана Диего Эсперанса.

«Господи! Что за бред?!» – ужаснулся Мигель, но перебить алькальда и вмешаться прямо сейчас, пока он разговаривает с полковником, было

немыслимо.

– К сожалению, – с прозвеневшей в голосе нотой скорби продолжил алькальд, – само тело сеньоры Эсперанса сгорело вчера в автомобильной аварии близ Сарагосы. Там же, в автомобиле, сгорели и все соучастники преступления. А потому выяснить, кто именно руководил похищением, установить не удалось...

«Матерь Божья! – охнул Мигель. – Что за чушь?! Какая такая авария?! И при чем здесь Энрике?! Он же у вдовы был!»

– К счастью, Гонсалес еще вчера ночью во всем признался, – пристально глядя на Мигеля, возвысил голос алькальд, – и на суде получил по заслугам – двадцать пять лет каторжных работ.

В глазах у Мигеля потемнело.

– Ты мне вот что, Рауль, скажи, – прерывая алькальда, хрипло потребовал полковник. – От моей Долорес хоть что-нибудь осталось?

– Да, Хуан... – дрогнувшим голосом произнес алькальд. – Там... у меня в машине...

Полковник оттолкнул алькальда и торопливо зашаркал вниз по ступенькам.

– Там немного... ты извини... сам понимаешь, – побежал вслед за ним алькальд, – пепел да костные фрагменты... но я привез все, что сумели собрать ребята из управления полиции...

Мигель ошарашенно тряхнул головой и медленно двинулся вслед за полковником и алькальдом, а когда подошел к машине, сеньор Эсперанса уже открыл стоящую на заднем сиденье большую черную лакированную шкатулку и смотрел внутрь застывшим взглядом.

– Это она?

– Без сомнения, Хуан... – нервно выдохнул алькальд. – Можно хоронить. Новая крышка для гробницы уже в склепе... И падре Франсиско на месте – только тебя

ждет...

Полковник Эсперанса медленно закрыл шкатулку, пожевал губами, отчего прокуренные седые усы жутковато зашевелились, и кивнул:

– Тогда не будем откладывать.

* * *

Едва сеньор Эсперанса исчез в дверях, Мигель жестко взял алькальда за локоть.

– Сеньор Рохо, вы рискуете.

– Бросьте, лейтенант, – криво улыбнулся алькальд. – Это вы рискуете.

– Но это же полная чушь! Откуда у вас останки? Даже если суд состоялся до обеда, а это невозможно, их не могли привезти из Сарагосы так быстро!

Алькальд надменно поднял голову.

– Это вас не касается. Главное, что у меня есть все документы.

– Покажите, – демонстративно протянул руку Мигель.

Алькальд покачал головой:

– Есть официальный порядок. Пошлите официальный запрос вашему начальству, и, если оно сочтет нужным, вас ознакомят.

Мигель понимающе усмехнулся. Он еще не знал, как алькальд сумел это устроить, но понимал главное: сеньору Рохо, да, наверное, и полковнику, глубоко безразлично, где на самом деле захоронено тело покойной сеньоры и кто его на самом деле похитил. Главное – соблюсти внешние приличия. Но он в эти игры играть не собирался.

– Учтите, сеньор Рохо, я подал рапорт.

– Мне уже сообщили...

– А у Энрике Гонсалеса есть алиби.

– Да неужели?

– И я найду преступника, а вам еще придется краснеть за то, что вы сделали, – завершил Мигель.

– Штаны не порви, щенок, – зло дернул губой алькальд.

* * *

Уже в четыре часа пополудни останки тела сеньоры Эсперанса, а точнее, то, что выдали за ее останки в Сарагосе, в присутствии всей семьи, алькальда и начальника городской полиции снова отпели, погрузили в гробницу и закрыли новой, точь-в-точь похожей на прежнюю крышкой.

* * *

Себастьян наблюдал за приехавшей из Мадрида юной сеньоритой Долорес до самого вечера, – отсюда, с газона, расположенного прямо под распахнутыми настежь окнами дома, это было нетрудно.

Сначала она сидела во флигеле со своей матерью сеньорой Тересой и вслух повторяла вслед за ней диковинные, ни на что не похожие слова. Затем пришел старый полковник, и они, все трое, торжественно прошли в столовую – обедать. Затем юную сеньориту снова отвели во флигель, посадили за пианино, и около часа Себастьян выбирал камешки под дивные переливы гамм.

Душа его разрывалась на части. Он совершенно точно знал, что сеньора Долорес лежит в центре клумбы, укрытая полутораметровым слоем земли, и так же точно узнавал знакомые интонации старой сеньоры в этих чарующе капризных переливах молодого голоса. Это было так, словно какая-то часть покойницы

вырвалась из-под земли и снова жила!

* * *

Эту ночь Мигель проспал как убитый, а весь следующий день ему пришлось следить за порядком на выборах, и мукам совести по поводу безвинно посаженного на четверть века Энрике Гонсалеса места просто не оставалось. А когда поздно вечером начальник полиции добрался до дома, ему хотелось только одного: смыть едкий пот с усталого тела и завалиться спать. Он за эти дни вымотался до предела.

Но в понедельник, 13 апреля 1931 года, сразу после инструктирования двух самых молодых полицейских и приведения текущих дел в порядок, Мигель оставил участок на Альвареса, начистил сапоги, проверил перед зеркалом, как сидит на нем китель, и отправился в муниципалитет. Следовало в обязательном порядке засвидетельствовать свое почтение вновь избранному алькальду.

Но уже на подходе к муниципалитету стало ясно: что-то не так. Вопреки ожиданиям, поблизости от центрального административного здания городка не видно было ни души.

Мигель растерянно хмыкнул, прошел в холл и вдруг увидел всех, кого ожидал встретить на улице. И алькальд, и два его заместителя, и начальники управлений, и даже секретарша и шофер – весь штат муниципалитета, человек двадцать, не меньше, – молча стояли возле мраморного камина...

«Что за черт?!»

Мигель невольно сбавил шаг и остановился возле Диего, но спросить, что произошло, не решился – таким напряженным выглядел лейтенант. И лишь когда стоящий на камине радиоприемник захрипел и оттуда снова полились слова диктора, до Мигеля дошло, что случилось нечто действительно из ряда вон выходящее, и он толкнул лейтенанта в бок:

– Что происходит, Диего?

Офицер обернулся. Вид у него был потрясенный.

– Социалисты взяли большинство.

– У нас в городе? – не поверил начальник полиции. Он совершенно точно знал, что эти выборы выиграл сеньор Рохо.

– По всей Испании...

На них зашикали, Мигель прислушался и понял, что по радио передают речь Его Величества.

По спине лейтенанта пробежал противный холодок.

«Состоявшиеся в воскресенье выборы, – печально произнес монарх, – доказали мне, что я более не вызываю у моего народа ни любви, ни привязанности».

«Господи, помоги Испании!» – обмер Мигель.

«Король может делать ошибки, – после небольшой паузы продолжил Альфонсо XIII. – Нет сомнений, что иногда ошибался и я, но я знаю, что наша страна всегда была снисходительной к ошибкам, совершенным без преступного умысла».

Мигель взмок. Впервые на его памяти король почти взывал о снисхождении!

«Я – король всех испанцев, и я сам – испанец, – продолжил Альфонсо. – Я мог бы найти достаточно способов защитить мои королевские права, но я предпочитаю решительно отойти в сторону...»

Весь зал, до единого человека, охнул.

«...чтобы не вызвать конфликт, который мог бы спровоцировать моих соотечественников на гражданскую войну друг против друга...»

Секретарша заплакала, а Диего шумно рванул воротник форменного кителя.

«...и, пока нация не призовет меня, я приостанавливаю осуществление моих королевских полномочий и оставляю Испанию, таким образом признавая, что она является единственной хозяйкой своей судьбы...»

Мигель почувствовал, как кровь ударила ему в висок. Он еще не представлял себе всех последствий происходящего, но уже понимал, что хуже повернуться не могло.

«Так... – лихорадочно соображал он. – Немедленно собрать всех. Эрнесто и Мануэля срочно отозвать из отпуска, и всех на казарменное положение!» Он дослушал высочайшее обращение до конца и рванулся к выходу. Бегом пересек центральную площадь и влетел в здание полицейского участка.

– Альварес!!! Ко мне! Где ты, черт тебя дери?!

– Да, господин лейтенант... – выскочил из дежурного помещения капрал. – Господи! Что стряслось? Да на вас лица нет!

Мигель хотел было сказать, но колени его подогнулись, и он сел на мгновенно подставленный капралом стул.

– Все... Альварес... – не своим голосом прохрипел лейтенант. – Теперь точно... все...

* * *

К обеду, когда Себастьян успел полить каждый из нескольких сотен цветов на клумбе сеньоры Долорес и начал выравнивать английскую лужайку, стало происходить что-то странное.

Сначала на террасу шаркающей походкой прохромал непривычно растрепанный старый полковник Эсперанса. Обвел небо диким взором, богохульно выругался и снова исчез внутри. А затем прошло еще около часа, и Себастьян осознал, что впервые на его памяти господа не вышли на террасу пить чай. А потом в сад – впервые одна, без сопровождения гувернантки – вышла маленькая сеньорита Долорес.

Она была одета во все то же розовое, расшитое золотом атласное платье и затмевала собой красоту любого цветка, какой мальчик только мог себе вообразить.

– Эй, садовник! – махнула ему Долорес. – Иди сюда!

Себастьян отодвинул корзинку для камней в сторону и медленно поднялся.

– Иди-иди, – снова махнула сеньорита Долорес и не выдержала, подбежала сама. – А ты знаешь, что Его Величество король нас покинул?

Себастьян заворожено слушал. Он знал про короля только то, что тот заботится обо всех испанцах: об отце, о господах Эсперанса, о сеньоре алькальде – и поэтому за него следует молиться каждый день...

– А зачем ты камни собираешь? – склонила прекрасную головку набок сеньорита Долорес. – Ты же садовник; ты цветы должен сажать! У меня и книжка про цветы есть. Показать?

Себастьян напряженно слушал, но понять, что должен для нее сделать, никак не мог.

– Ну же, дурачок, не бойся! – рассмеялась сеньорита и схватила сына садовника за руку. – Пошли...

Себастьян подчинился. Он не всегда понимал, чего хотят господа, но превосходно знал, что сопротивляться себе дороже. Юная Долорес уверенно провела его мимо террасы в маленький садик, а затем после некоторой борьбы затащила во флигель, и только здесь Себастьян по-настоящему испугался.

Он впервые оказался в господском доме, и всё здесь, каждый предмет сиял красотой, от которой у него защемило сердце, в горле застрял комок, а лоб мгновенно покрылся испариной.

Пол был таким гладким, что, казалось, проведи рукой, и обязательно поцарапаешь. Стулья покрывала яркая, как мавританская лужайка, материя. А на полках рядами стояли сверкающие золотыми корешками Библии – можно

дарить хоть всему городу, и все равно останется...

– Держи!

Себастьян невольно отпрянул, и огромная книга с грохотом упала на пол.

– Да не бойся ты! – засмеялась юная сеньорита, но Себастьян ее не услышал.

С открытой страницы огромной господской Библии на него смотрел цветок, и он буквально завораживал своей странной, ни на что не похожей красотой.

– Это справочник по тропикам, – села на пол сеньорита Долорес. – Здорово, правда? А вот еще, смотри...

Себастьян осторожно опустился на скользкий пол – напротив. Он прекрасно понимал, что это цветы, такие же, как розы или ирисы; он видел их лепестки и тычинки, но эти цветы были настолько яркие и вычурны и настолько отличались от растений, к которым он привык, насколько господская одежда отличается от одежды простого человека.

Сеньорита Долорес переворачивала страницу за страницей, и, глядя на эту чарующую красоту, Себастьян вдруг понял, что это те самые цветы, что растут в райском саду, в том самом Эдеме, в котором живет похожий на конюха Энрике бог и сеньора Долорес и в котором когда-нибудь поселятся все хорошие люди.

Сердце в груди у Себастьяна сладко сжалось. Он понял, на что похожи эти цветы – на нее, эту маленькую копию старой сеньоры с тем же именем Долорес.

* * *

Мигель приходил в себя долго, минут тридцать. Он с трудом представлял себе, что теперь делать, и, лишь когда капрал Альварес принес ему кофе и сел напротив, тяжело дыша в пышные усы, вселенная наконец начала приходить в относительный порядок.

– Что делать будете? – поинтересовался капрал.

– Не знаю, – покачал головой начальник полиции и глотнул немного кофе.

– Погромы случиться могут... – вздохнул капрал. – Вот увидите, нажрут к вечеру, и начнется...

Мигель задумался:

– Может, продажу спиртного приостановить?

– А что толку? Здесь у каждого свое вино в подвале. Только у батраков и нет.

Мигель прикусил губу. Все так... Хотя как раз батраки и есть самая взрывоопасная часть населения...

– Давай-ка по лавкам пройдемся, – решительно поднялся он. – Особенно по маленьким, на окраинах...

Альварес с тоской глянул в окно, и Мигель невольно улыбнулся. Ему и самому не хотелось выходить в это пекло, но он знал, что через пару часов жара начнет спадать, народ повалит на улицы, и тогда уже будет поздно.

– Пошли-пошли, капрал, нам же потом работы меньше будет.

* * *

Они обошли все винные лавки до единой. Лавочники возмущались и начинали требовать официальных бумаг, но Мигель напоминал, что он не пытается закрыть торговлю полностью, а всего лишь просит приостановить продажу только крепких напитков, да и то лишь на два-три дня, пока не станет ясно, что будет с престолом. Но если кто-то хочет поссориться с полицией... что ж, можно и поссориться.

После этой последней, коронной, фразы лавочники смягчались и шли навстречу. Но в конечный успех этой меры никто особо не верил.

– Это бесполезно, господин лейтенант, – один за другим качали они головами. – Вы думаете, я один этим торгую? Да и не берут у меня ничего батраки, у них у всех свои «поставщики», такое пойло жрут! Нормальный человек если выпьет, сразу на кладбище можно нести!

– И много таких «поставщиков»? – интересовался Мигель.

И вот здесь лавочники называли самые разные цифры. Кто говорил, что их в городе от силы три человека, кто утверждал, что подпольных торговцев дешевыми спиртными напитками никак не меньше шести, но все сходились в одном: все беды именно от них, а вовсе не от домашнего вина и уже тем более не от законопослушных владельцев баров и магазинов.

– У нас же картотека на них имеется, господин лейтенант, – вполголоса произнес Альварес после очередного такого разговора.

– И они все еще на свободе?

– А как докажешь? – развел большими руками Альварес. – Батраки, сами понимаете, молчат, а дистиллятор – попробуй найди! И вообще, они правы: напрасно это все. Сегодня сами увидите – все нажрут!

* * *

Альварес как в воду глядел. Уже к восьми вечера на улицах стали появляться шумные нетрезвые компании, а к девяти с грохотом вылетела первая витрина – прямо напротив полицейского участка, и задержанный пьяно рыдал, требуя вернуть Его Величество в Испанию и перевешать всех социалистов на деревьях.

Но Мигель на эти мелочи времени не тратил. Придя в участок, он тут же вытащил картотеку, начал копаться в старых делах и утонул в них с головой, жалея лишь об одном: что не догадался просмотреть архивы раньше.

Дело было даже не в незаконной торговле спиртным; дело было в самом духе городка, а он в скупых строчках полицейских актов читался отчетливо и ясно, давая четкое понимание, что может произойти, случись в городе массовые беспорядки.

Самым распространенным среди горожан преступлением было нанесение побоев различной степени тяжести или даже убийства по личным причинам. Отмщение за поруганную девичью честь, споры из-за межи, нетрезвые драки в конце зимы, когда деньги и припасы подходят к концу, а посевная еще не началась, – этим и дышал маленький провинциальный городок.

Отчасти такая картина сложилась из-за обычая решать юридические проблемы любой сложности самосудом. Если, скажем, у хозяина что-то пропадало, он высчитывал за кражу из общего заработка батраков, не сильно разбираясь в том, кто конкретно его надул. Если батрак обижал батрака, это кончалось дракой, и именно их и фиксировали полицейские протоколы, почти всегда оставляя истинную причину преступления за рамками следствия.

Всеобщая круговая порука вообще была здесь самой серьезной полицейской проблемой. Сосед не доносил на соседа, хозяин на батрака, а батрак на хозяина, в силу чего даже убийца порой ходил ненаказанным, воровство и незаконная торговля спиртным процветали, а правосудие частенько превращалось в фарс.

Среди таких «глухих» дел он и обнаружил прошлогоднее дело о незаконной торговле спиртными напитками, почему-то лежащее в одной коробке с делом о самоубийстве работницы семьи Эсперанса Марии Эстебан в декабре 1924 года.

Мигель насторожился сразу, едва увидел фамилию Эсперанса, а когда вчитался, охнул: в торговле спиртом обвиняли того самого садовника, а покойная Мария Эстебан приходилась ему не кем-нибудь, а женой!

Мигель начал с дела о самоубийстве, изучил это семилетней давности дело до последней запятой и понял, что оно было сознательно развалено свидетелями. На теле покойной было обнаружено несколько десятков старых шрамов, свежие следы серьезных побоев и четыре сломанных ребра, и тем не менее все работники и работницы огромного дома в один голос утверждали, что Мария ни с кем никогда не ссорилась, а с мужем и вовсе жила душа в душу.

Начальник полиции пригласил капрала Альвареса и попросил вспомнить это дело, и капрал, конечно же, вспомнил, но сказал все то же самое. Следствие вел прежний шеф, упокой, господи, его безгрешную душу, но и он так ничего от потенциальных свидетелей и не добился. Никто ничего не видел и не слышал.

– Там даже табурет не подошел, – озабоченно кивал капрал.

– Какой табурет?

– Ну, с которого она вроде бы в петлю залезла, – хмыкнул в седые усы старый полицейский. – Я сам становился, пробовал головой до петли дотянуться... и не смог! А она-то пониже меня была почти на голову...

Мигель вздохнул. В Сарагосе они эти вопросы решали быстро. Его наставник капитан Мартинес даже специально завел в управлении двух крепких парней из Альмерии, а потому ни свидетели, ни подозреваемые чрезмерно не упирались.

– Садовника хорошо допросили? – поинтересовался он у капрала.

– Еще бы! – потер огромный красный кулак Альварес. – Я ему лично два зуба выбил. Ни слова не сказал, скотина!

– Черт! – стукнул кулаком по столу Мигель и рывком поднялся из-за стола. – А с винным спиртом что было?

– Да то же самое, – пожал плечами капрал. – Нам осведомители уже год как о нем сообщили, сказали даже, у кого Хосе, ну, садовник этот, дистиллятор купил...

– И что?

– Да ничего. Мы и развалюху его обыскали, и даже сад господский осмотрели – пусто!

Мигель поблагодарил капрала, попросил принести ему еще кофе, откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Этот садовник был прелюбопытной и, по мнению лейтенанта, весьма опасной фигурой. Низкий лоб, массивные надбровные дуги, сильные челюсти, свисающие до колен крупные волосатые руки – хоть сейчас в книгу Ломброзо! Более того, из оперативных материалов следовало, что женщин садовник сторонится, и если принять во внимание труды господина Фрейда... лейтенант хмыкнул... садовник

вполне мог отомстить старому полковнику, а то и самой покойной сеньоре Эсперанса за какую-нибудь реальную или вымышленную обиду.

Мигель уже понимал, что силком из садовника признание не выбить, но если переговорить со стариком Эсперанса и добиться от прокурора санкции на обыск всей усадьбы, скажем, под предлогом поиска дистиллятора, а потом не торопясь, терпеливо, насколько это вообще возможно, поговорить с мальчишкой о его отце... из этого могло кое-что получиться.

«Завтра же зайду к прокурору, – решил Мигель. – Поговорю, а там видно будет».

Он еще не знал, каким кошмаром обернется для него следующий день.

* * *

14 апреля 1931 года собравшаяся в Сан-Себастьяне коалиция победивших на муниципальных выборах партий провозгласила в Испании Вторую республику. А буквально через полчаса после радиопередачи запылала самая крупная маслостанция сеньора Эсперанса.

Когда Мигель приехал, рабочие уже похватили ведра и дружно тушили пожар, но пропитанное многолетними наслоениями оливкового масла дерево полыхало, как порох, – на двадцать шагов не подойти, и собравшиеся вокруг женщины рыдали в голос, понимая, что лишились единственного заработка.

Затем в полицию сообщили о забастовке в кожевенных мастерских, и Мигель сразу же помчался туда, но оказалось, что никакой забастовки нет и в помине, а шум поднял управляющий, получивший очередное требование о повышении заработной платы. До предела обозленный начальник полиции посоветовал управляющему не взвинчивать и без того накаленную обстановку, а разбираться самому, и вернулся на центральную площадь.

Маленький провинциальный городок был взбудоражен до предела, и у здания муниципалитета собралась целая толпа. Люди разбились на маленькие группки, горячо обсуждая так неожиданно повернувшиеся выборы и цели новой республики, столь же отважные, сколь и безумные. Реформа армии, автономия для регионов, социальные реформы, отделение церкви от государства – все это

было уже декларировано, но как это будет выглядеть конкретно и что следует делать, никто себе не представлял.

Потребовали алькальда. Но и сеньор Рохо лишь пожимал плечами и твердил только одно: я знаю не больше вашего, в Сарагосе – то же, но на 28 июня назначены выборы кортесов, а значит, давайте подождем.

И лишь к двум часам дня, в самое пекло, люди один за другим стали расходиться, а взмокший, задерганный до предела начальник полиции позволил себе передохнуть. Но едва он вернулся в участок, как тут же столкнулся с капралом Альваресом.

– Господин лейтенант, к вам посетитель.

– К черту! – отмахнулся Мигель. – Не сегодня...

– Это – сеньора Анхелика, – неловко улыбнулся Альварес. – Она с самого утра здесь. Что-то важное хочет сказать. Может, примете?

Мигель на секунду оторопел и обрадованно закивал:

– Замечательно, Альварес! Умоюсь, и приглашай.

* * *

На этот раз пятидесятидвухлетняя любовница Энрике Гонсалеса не артачилась. Она прямо заявила, что долго думала и решила, что Энрике нужно спасти.

– Вы знаете, что суд уже состоялся? – напрягшись спросил Мигель.

Вдова кивнула и залилась слезами.

– И вы готовы дать показания на повторном суде?

– Да, – всхлипнула вдова.

Мигель задумчиво вертел в руке карандаш. Пожалуй, ни одно другое дело не цепляло его так сильно, как это. Может, из-за того, как обошелся с ним алькальд.

Начальник полиции никогда бы себе в этом не признался, но, будучи выходцем из социальных низов, более всего на свете он хотел добиться полного признания со стороны сильных мира сего. И когда его обозвали щенком и сопляком и в ущерб делу, его делу, на двадцать пять лет отправили невинного человека на каторгу... в общем, его это задело.

События дня вымотали Мигеля до предела, но внезапный визит Анхелики словно что-то переключил у него внутри, и он снова чувствовал себя готовым к бою.

Лейтенант попросил капрала принести ему и посетительнице по чашечке кофе и начал приводить мысли в порядок. Он понимал, что значит идти против алькальда и собственного начальства в Сарагосе, но также знал, что, если вдова будет настаивать, а она уже сейчас готова пожертвовать своим добрым именем, он как начальник полиции будет просто обязан провести повторное следствие.

Кроме того, хотя у него еще не доставало опыта в таких делах, что-то подсказывало ему, что смена правящего режима может благоприятно сказаться на пересмотре дела, если Энрике подаст прошение. Теперь, когда прежде гонимые анархисты и прочие социалисты сами пришли к власти, те, кто повесил на Гонсалеса это паскудное обвинение, наверняка уже не будут чувствовать себя так уверенно.

Появлялся прекрасный шанс довести следствие до конца, а заодно и кое с кем посчитаться.

«Так... до шести на улице никто не появится; съезжу-ка я к Эсперанса, поговорю с полковником, а заодно и с сыном садовника еще раз попробую потолковать, – решил Мигель. – А если и конфет ему купить... мно-огое может проясниться...»

* * *

В этот день ясный и справедливый мир, в котором жил старый полковник Эсперанса, окончательно рухнул. Когда сеньор Хуан услышал по радио о

намерении республиканцев реформировать армию и отделить церковь от государства, он побагровел, схватился за сердце и потребовал принести ему ружье.

Сеньора Тереса делала все, что могла, но удержать отца не сумела. Рискую получить апоплексический удар, полковник принялся самостоятельно рыскать по всему дому и требовать, чтобы ему немедленно отдали спрятанное «этим бабьем» ружье.

И когда старик выскочил на террасу, ничего не понимающий в господских делах, но все прекрасно видевший Себастьян принял единственно верное решение: подхватил корзинку для камней и убрался подальше от английского газона, в самую верхнюю часть огромного сада. Здесь, вдалеке от хозяев, он мог часами опрыскивать плодовые деревья и подрезать засохшие ветки, делая нужную и полезную работу и не рискуя попасться кому-нибудь на глаза.

Только поэтому он и не видел, как старый полковник, шаркая и слегка подволакивая ногу, пришел на кухню и устроил там настоящий погром, насмерть перепугав и Хуаниту и Кармен. Только поэтому мальчик ничего не знал о жутком разное, постигшем двух отдыхавших в тенечке конюхов. И только поэтому он и понятия не имел, что стряслось, когда сеньор Эсперанса в поисках очередной жертвы набрел на идеально круглую клумбу, в самом центре которой покоилась сеньора Долорес. А полковник впал в настоящее неистовство.

За исключением высаженных четыре дня назад на маленьком пятачке в самом центре клумбы черенков, укоренившиеся еще в прошлом году розы, все, как одна, выбросили свои первые бутоны, и выведенный словно по линейке, великолепно исполненный рисунок предстал во всей своей непристойности. На всю светло-розовую клумбу раскинула свои лучи огромная алая пятиконечная звезда.

Едва увидев ее, полковник побагровел и схватился за сердце.

– Хосе! Где Хосе?! Где этот чертов садовник?!

Сопровождавшая отца сеньора Тереса схватила полковника за руку и потащила прочь.

– Пойдемте, папа, вам нельзя так переживать...

– Уйди, дура! – заорал полковник. – Немедленно его ко мне! Убрать все! Живо! Где эта сволочь?!

Сеньора Тереса попыталась убедить отца, что это – роковая случайность и садовник наверняка не держал в мыслях ничего дурного, но старый сеньор Эсперанса был уже вне себя.

– Ко мне его! Живо! Все убрать! Все! – надрывая горло и сердце, кричал он и вдруг заплакал. – Предатели... Везде предатели... Да будьте вы все прокляты!

* * *

Поначалу, когда к пяти часам вечера уставший от целого дня работы под палящим солнцем Себастьян спустился к центральной аллее, он буквально оцепенел. За исключением маленького, еще не распустившегося пяточка в самом центре, все его розы были безжалостно вырваны и брошены в гигантские кучи по краям огромной клумбы. Но отец уже подбирался и к центру.

Непереносимое страдание захлестнуло Себастьяна и доверху наполнило все его существо болью: отец вразвалку топтался прямо по голове сеньоры Долорес!

Себастьян тоненько пискнул, подбежал к отцу и ухватил его за рукав.

– Н-н-не-е...

Тот развернулся, и Себастьян глянул в его глаза и сразу понял, что это не случайность и не ошибка. Отец хотел убить эти цветы.

– Н-не-е, – решительно замотал головой Себастьян, отчаянно, что было сил, вцепился в отца и попытался оттащить его прочь, подальше от священного пяточка, где среди молодых зеленых черенков было упрятано маленькое тело покойной сеньоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/rodrigo-kortes/sadovnik>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)